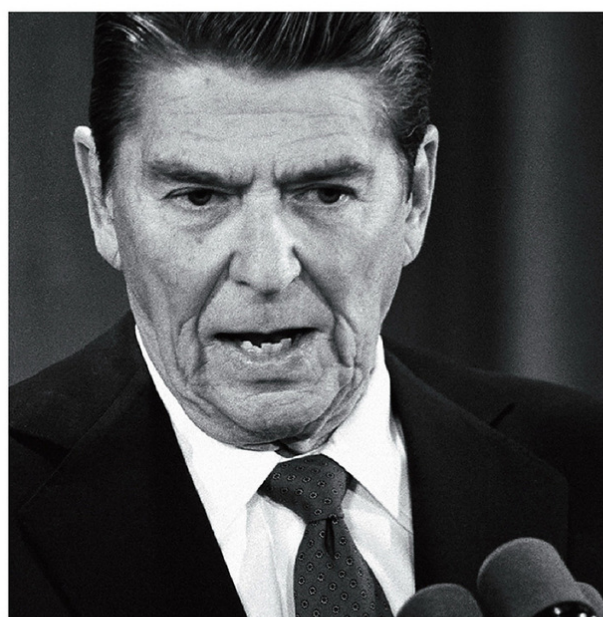
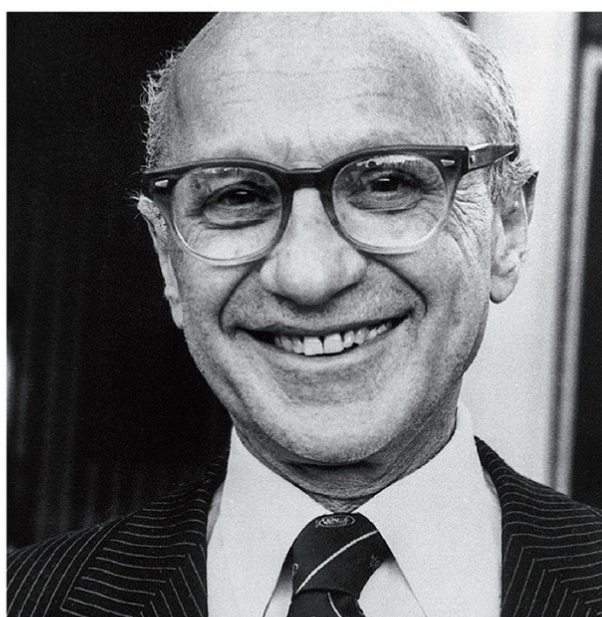
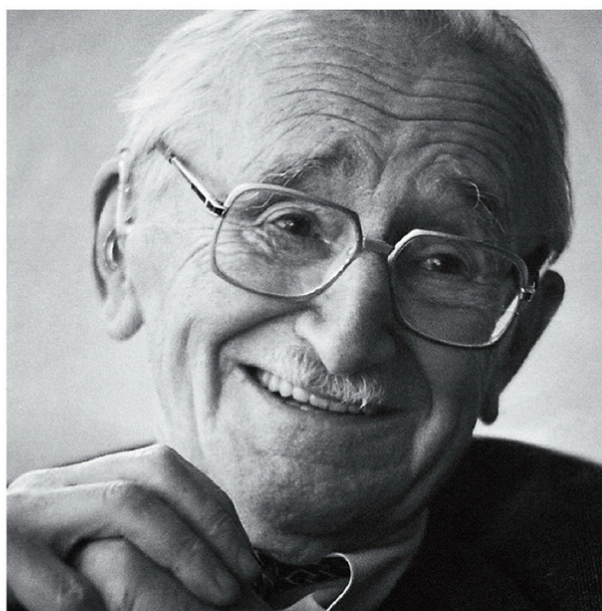

Дэниел Стедмен-Джоунз

РОЖДЕНИЕ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

От Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер

Дэниел Смедмен-Джоунз

**Рождение неолиберальной
политики. От Хайека и
Фридмена до Рейгана и Тэтчер**

«Интермедиатор»

2012

УДК [330.831.2+330.831.8]:32.011:1
ББК 65.02+66.0

Стедмен-Джоунз Д.

Рождение неолиберальной политики. От Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер / Д. Стедмен-Джоунз — «Интермедиатор», 2012

ISBN 978-5-91603-691-6

Переход от полного доминирования идей государственного вмешательства в первой половине XX в. к неолиберальному консенсусу конца XX в. — один из ключевых, но недостаточно исследованных сюжетов современной истории. Д. Стедмен-Джоунз анализирует, каким образом в 1940—1980-е годы в Великобритании и США неолиберальные идеи — об индивидуальной свободе, свободных рынках и дерегулировании — трансформировались в электорально успешные политические программы. Пытаясь ответить на вопрос, почему, столкнувшись с глубоким экономическим кризисом 1970-х годов, политики и чиновники обратились именно к неолиберальным идеям (причем первыми это сделали политики левого толка, находившиеся в тот момент у власти), автор рисует трехмерную картину, сочетающую интеллектуальную историю зарождения, развития и распространения неолиберальных идей в 1940—1970-е гг.; экономическую историю от послевоенного бума до стагфляции 1970-х гг. и эволюцию партийной политики в США и Великобритании в этот период. В книге содержится интересная история просачивания идей с университетских кафедр в общество и экономическую политику. Главные герои книги — Общество Мон-Пелерен, первая чикагская школа и многочисленные аналитические центры, а также К. Поппер, Л. фон Мизес, Ф. Хайек, М. Фридмен, Дж. Стиглер, представители школы общественного выбора (Г. Таллок, Дж. Бьюкенен).

УДК [330.831.2+330.831.8]:32.011:1

ББК 65.02+66.0

ISBN 978-5-91603-691-6

© Седмен-Джоунз Д., 2012

© Интермедиатор, 2012

Содержание

Предисловие автора к изданию 2014 г	7
От автора	9
Введение	12
Три фазы нелиберализма	17
Нелиберализм и история	20
Трансатлантическая нелиберальная политика	25
Глава 1	29
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дэниел Седмен-Джонз

Рождение неолиберальной политики От Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер

Daniel STEDMAN JONES
MASTERS OF THE UNIVERSE

Hayek, Friedman, and the Birth of Neoliberal Politics

Princeton University Press Princeton & Oxford

Перевод с английского: А. А. Столяров

Научное редактирование: А. В. Куряев

Электронное издание на основе печатного издания: Рождение неолиберальной политики. От Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер / Д. Седмен-Джонз; пер. с англ. А. А. Столярова. – Москва; Челябинск: Социум; Мысль, 2017. – 522 с. – ISBN 978-5-906401-71-7; 978-5-244-01191-3. – Текст: непосредственный.

© 2012 by Daniel Stedman Jones

© ООО «ИД «Социум», 2017

Предисловие автора к изданию 2014 г

До недавнего времени понимание происхождения и эволюции неолиберализма оставалось весьма поверхностным. Отклики на публикацию книги «Masters of the Universe» в 2012 г., свидетельствуют о колоссальном интересе к подробному анализу этой – кажущейся всемогущей – политической силы. Подтверждением может служить переполненный зал на состоявшейся в январе 2013 г. презентации издания в Лондонской школе экономики. Наряду с другими исследованиями по истории неолиберальной мысли появление настоящей книги можно рассматривать как начало процесса создания детальной исторической картины идеологического и политического явления, прежде не привлекавшего особого интереса историков.

Обнадеживает уровень погружения в материал книги, продемонстрированный авторами многочисленных умных рецензий, написанных людьми разных политических и идейных убеждений. Практически во всех рецензиях можно найти конструктивные мысли, уточняющие и дополняющие материал книги. Однако положительная в целом реакция не была всеобщей. Критике, прежде всего со стороны консерваторов (и либертарианцев), подверглась отрицательная оценка влияния неолиберальной мысли на политику в США и Великобритании на протяжении трех десятилетий, предшествовавших финансовому кризису 2007–2009 гг. Основной упрек заключается в том, что в книге не обсуждается версия, согласно которой финансовый кризис был не столько кризисом рынков, сколько кризисом регулирования: несмотря на риторический дрейф в неолиберальном направлении, на практике господствующая парадигма экономической политики осталась уперто социалистической. Именно об этом говорил Милтон Фридмен незадолго до своей смерти в 2006 г.¹

Очевидно, что мнение о благотворности или пагубности влияния, оказанного неолиберализмом, это вопрос суждения. Первая половина книги посвящена изложению неолиберальной теории. Затем дается оценка влияния и последствий конкретных аспектов неолиберальной мысли, нашедших применение в политической борьбе и экономической политике. Однако некоторые критические замечания рецензентов вызваны неверным толкованием содержащихся в книге утверждений.

Ошибочные интерпретации вызваны сложностью описываемых процессов. В «Masters of the Universe» исследуется беспорядочное и несовершенное применение экономических и политических идей в мире социально-экономической политики. Центральный тезис состоит в том, что неолиберальное влияние на большую политику с 1970-х годов по настоящее время, поначалу нараставшее медленно и касавшееся весьма специфических сфер – денежно-кредитной политики и регулирования, – было одновременно локальным и глубоким. Поэтому в настоящем предисловии будет полезно кратко сформулировать основные утверждения этого тезиса.

Во-первых, влияние неолиберализма на политику США и Великобритании было очень медленным. Несмотря на популярность «Дороги к рабству», люди, определявшие социально-экономическую политику, игнорировали идеи Фридриха Хайека на протяжении 30 лет после окончания Второй мировой войны. Но в течение всего этого времени меры неолиберальной социально-экономической политики разрабатывались в других форматах – в рамках аналитических центров и усилиями интеллектуальных и идеологических предпринимателей. Для распространения неолиберальных идей и для оттачивания их политического посыла была создана трансатлантическая сеть исследователей и организаций. Конкретные идеи начали действовать в 1970-е годы, поскольку давали прямые ответы на насущные проблемы того времени.

¹ Фридмен говорил об этом неоднократно, в том числе в интервью Чарли Роузу 26 декабря 2005 г. См. <http://www.youtube.com/watch?v=nPHs9Ln8QT8>.

Прорывными неолиберальными идеями в этом отношении стали монетаризм и дерегулирование.

Во-вторых, в 1980-х годах воздействие идей, разработанных этим передовым отрядом интеллектуалов, обеспечило быструю и глубокую перенастройку политики от активизма государства к рынку, когда на смену Лейбористской и Демократической партиям пришли Консервативная и Республиканская. Произошла смена главных целей: вместо полной занятости и построения государства благосостояния, достижения которых пытались добиться с помощью кейнсианского управления спросом и расширением государственного сектора, всеобъемлющей целью экономической политики стала борьба с инфляцией, безжалостно проводимая председателем Федерального резерва Полом Волкером. То же самое происходило в Британии, вначале при лейбористах, а затем при консерваторах. Правительства как Рейгана, так и Тэтчер стремились ограничить государство благосостояния, но не имели возможности сократить его более-менее значительно. Лейтмотивом микроэкономической политики обоих правительств, в особенности кабинета Тэтчер, была либерализация рынков путем дерегулирования и приватизации. В США, разумеется, имелось не так много объектов для приватизации, но общее направление реформ при Рейгане – монетаризм, экономическая теория предложения, дерегулирование – было кристально ясным.

В-третьих, и в-главных, после 1979 г. электоральные успехи политиков, являвшихся радикальными сторонниками рынка, подобных Тэтчер и Рейгану, наткнулись на пределы трансформации политической сцены. За гранью возможного осталось сколько-нибудь заметное посягательство на крупнейшие программы государства благосостояния – систему социального страхования и Медикэр в США и Национальную службу здравоохранения в Британии. Вместо этого, несмотря на частичный провал прорыночной неолиберальной программы реформ, возможно, наиболее устойчивым достижением обоих правительств стала успешная трансформация политической культуры по обе стороны Атлантики. «Большое правительство», «облагай налогами и трать», «зависимость от социальных пособий» стали восприниматься как пороки, коих следовало избегать любыми способами; а эффективность, выбор и рыночная предприимчивость – как добродетели, которые следует поощрять и поддерживать.

В конечном итоге, согласно истории, изложенной в «Masters of the Universe», эта культура создала питательную среду для катастрофического провала регулирования в ходе финансового кризиса 2007–2009 гг. Это был изъян в системе, о котором говорил Алан Гринспен в своем знаменитом выступлении перед Комитетом по надзору и правительственной реформе при Палате представителей (см. наст. изд., с. 440 прим. 31). Справедливости ради следует сказать, что это был и провал государства, проявлявшийся вне зависимости от того, какие партии находились у власти, правые или левые. Клинтон, Блэр и Браун столь же активно занимались дерегулированием финансовых рынков, как и все остальные. Этот просчет совершили политики, представлявшие весь политический спектр, и, как говорится в книге, он был характерен для всего культурного сдвига, в котором доминировало представление о рынках как о непогрешимых и самокорректирующихся генераторах богатства. Недавний кризис показал, что для обеспечения конкурентности рынка и реализации его динамического потенциала требуется надлежащее регулирование. Не следует забывать ключевое положение разработанной Джорджем Стиглером теории экономического регулирования – о захвате регулятора регулируемыми (с. 169–170), следует также помнить о ранних неолиберальных архитекторах немецкого экономического чуда (с. 161 сл.) или идеях Генри Саймонса, принадлежавшего к первой чикагской школе (с. 128 сл.). Условия эффективной конкуренции на рынке должны поддерживаться прочным законодательным каркасом и надлежащим проведением в жизнь регулирующих норм.

*Дэниел Стедмен-Джоунз,
1 октября 2013 г.*

От автора

Этот замысел я вынашивал многие годы, когда учился в Оксфордском университете и изучал проблемы государственной политики в лондонском аналитическом центре «Демос». Признательности всегда заслуживает большее количество людей, чем можно перечислить на паре страниц, но некоторые, безусловно, достойны особого упоминания. Я всегда хотел провести исследование по трансатлантической политике и вместе с моим большим другом и коллегой по «Демос» Рэйчел Джапп задумал проект по трансферу политики между США и Великобританией. Однако шанс осуществить эту идею появился лишь тогда, когда я продолжил обучение, чтобы получить степень магистра по политической теории и американской политике на факультете политологии Пенсильванского университета.

Реальная же возможность открылась тогда, когда я начал сотрудничать с профессором Майклом Кацем на историческом факультете Пенсильванского университета. Я очень многим обязан Майклу, который убедил меня перейти с факультета политологии и писать докторскую работу по истории. Своей ненавязчивой манерой руководства и умением вникать во все детали он оказал самое большое влияние на мое аспирантское образование в целом и на эту книгу в частности. Я хочу поблагодарить других моих наставников, профессора Уоррена Брекмана и профессора Томаса Сагрю, которые давали мне бесценные советы, оказывали помощь и поддержку в годы работы над этой книгой. Беседы с ними (и с Майклом) помогли мне сосредоточиться на самом главном и целенаправленно работать над проектом. Я чрезвычайно признателен двум моим ближайшим друзьям и коллегам по Пенсильванскому университету Дэниелу Амстердаму и Тиму Уиверу. Мы подбадривали друг друга в непростом процессе научной работы, где всегда чередуются успехи и неудачи. Особую благодарность я хотел бы выразить профессору Питеру Хеннесси из Колледжа королевы Марии в Лондоне; он любезно консультировал меня по английской литературе, связанной с темой этой книги. Без его советов спектр рассмотренных в ней идей и вопросов был бы, конечно, не таким широким. Также я весьма признателен профессору Дэниелу Роджерсу из Принстонского университета; его книга «Атлантические перекрестки» («Atlantic Cross-ings») служила одним из главных ориентиров в моей работе, а сам он выступал строгим, но справедливым экзаменатором моей докторской подготовки. Наконец, Крис Элсопп и Роберт Скидельски не пожалели времени на чтение глав рукописи, посвященных экономической политике. Ответственность за общую концепцию и все ошибки, которые могли остаться в тексте, естественно, несу я один.

Я благодарю всех тех, кто любезно согласился уделить время и дать мне интервью; своими размышлениями и воспоминаниями они очень помогли осуществлению моего проекта. Это Аннелиз Андерсон, Мартин Андерсон, Имонн и Стюарт Батлер, Джон Бланделл, Джим Богтон, Леон Бриттен, Эндрю Дагуид, Питер Джей, Уильям Киган, Эд Крейн, Норманн Ламонт, Тим Ланкестер, Найджел Лоусон, Мадсен Пири, Джон Редвуд, Роберт Скидельски, Эд Фелнер, Дуглас Херд, Майкл Ховард, Джон Хоскинс, Джеффри Хоу и Джордж Шульц. Также я выражаю признательность сотрудникам Президентской библиотеки Рональда Рейгана, Гуверовского института войны и мира при Стенфордском университете, Архива Консервативной партии при Бодлеянской библиотеке и Архива Тэтчер при Колледже Черчилля в Кембридже; они оперативно и умело помогали мне в поиске нужных материалов. В частности, Дайан Барри и Эндрю Райли с неизменной готовностью откликались на мои просьбы и дали мне немало ценных советов. Профессор Мэри Чемберлен любезно снабдила меня диктофоном, который я использовал для записи интервью.

Я хочу выразить благодарность моим редакторам из издательства Princeton University Press, Йену Малколму и Элу Бертрану; без них эта книга никогда бы не вышла в свет. Также

я признателен всем сотрудникам издательства, особенно Хане Пол и Дебби Терагден, которые подошли к публикации книги со всей аккуратностью и внимательностью.

Многие мои друзья и родственники оказывали мне содействие и предоставляли кров во время моих изысканий в Лондоне, Оксфорде, Кембридже, Филадельфии, Калифорнии, Вашингтоне и Нью-Йорке. В их числе Кристофер Глас, Адам Соло, Лаура Скарано, Дженни Сьюн, Алексис Сампьетро, Ларисса и Конрад Персонс, Джейк Стивенс, Клара Хейворт, Таня Напс, Верити, Элизабет и Марк Аллен, Кейт и Марк Стейер и Уильям Пул. Моя семья – Аби-галь, Найджел, Майри, Джозеф, Молли и Тэлиа – щедро дарили мне свою любовь и поддержку; благодаря им я чувствовал себя счастливым и полным сил. Беатрис Райли оказала мне неоценимую помощь в окончательной шлифовке рукописи. Наконец, я благодарю моих родителей Салли и Гэрета Джонсов, которым посвящена эта книга.

Дэниел Стедмен-Джоунз, март 2011 г.

Хронологическая таблица

Годы	США	Великобритания
1900-е	1900–1930 Взлет американского прогрессизма	1906–1914 Ново-либеральное правительство Герберта Асквита начинает социальные реформы
1910-е	1917–1918 США вступают в войну	1914–1918 Первая мировая война
1920-е	1929 Крах Уолл-Стрит	1926 Всеобщая забастовка
1930-е	1932 Рузвельт избран президентом; начало Нового курса 1933–1945 Демократическая администрация Рузвельта	Сентябрь 1939 Начало Второй мировой войны
1940-е	Апрель 1945 Смерть Рузвельта; его место занимает Гарри Трумэн 1945–1953 Демократическая администрация Трумэна 1945 Конец Второй мировой войны	Май 1945 Клемент Эттли занимает пост премьер-министра 1948–1951 Лейбористское правительство 1948 Най Бивен создает Национальную службу здравоохранения
1950-е	1950–1953 Корейская война 1953–1961 Республиканская администрация Эйзенхауэра 1957–1975 Вьетнамская война	1951–1964 Правительство консерваторов 1951–1955 Уинстон Черчилль на посту премьер-министра 1955–1957 Энтони Иден на посту премьер-министра 1956–1957 Суэцкий кризис 1957–1963 Гарольд Макмиллан на посту премьер-министра

1960-е	<p>1960 Президентом избран Дж. Ф. Кеннеди 1961—1963 Демократическая администрация Кеннеди 1963 Убийство Кеннеди 1963—1969 Демократическая администрация Джонсона 1968 Избрание Ричарда Никсона 1969—1974 Республиканская администрация Никсона</p>	<p>1963—1964 Александр Дуглас-Хьюм на посту премьер-министра 1964—1970 Лейбористское правительство На посту премьер-министра Гарольд Вильсон</p>
1970-е	<p>1974 Уотергейтский скандал; Никсон подает в отставку 1974—1977 Республиканская администрация Форда 1976 Избрание Джимми Картера 1977—1981 Демократическая администрация Картера</p>	<p>1970—1974 Правительство консерваторов; на посту премьер-министра Эдвард Хит 1974—1979 Правительство лейбористов 1974—1976 Гарольд Вильсон на посту премьер-министра 1976—1979 Джеймс Каллагэн на посту премьер-министра 1979 Избрание Маргарет Тэтчер 1979—1997 Правительство консерваторов</p>
1980-е	<p>1980 Избрание Рональда Рейгана 1981—1989 Республиканская администрация Рейгана Ноябрь, 1988 Избрание Джорджа Буша 1989—1993 Республиканская администрация Буша Октябрь, 1989 Падение Берлинской стены</p>	<p>1982 Фолклендская война</p>

Введение

Идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писака, сочинявшего несколько лет назад. Я уверен, что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей. Правда, это происходит не сразу, а по истечении некоторого периода времени. В области экономической и политической философии не так уж много людей, поддающихся влиянию новых теорий, после того как они достигли 25- или 30-летнего возраста, и поэтому идеи, которые государственные служащие, политические деятели и даже агитаторы используют в текущих событиях, по большей части не являются новейшими. Но к добру или худу рано или поздно именно идеи, а не корыстные интересы становятся опасными.

Джон Мейнард Кейнс

«Общая теория занятости» (1936)²

В 1970-х годах неолиберальные идеи – монетаризм, дерегулирование и рыночные реформы – не были чем-то новым. Однако, как предполагал еще Кейнс, это были идеи, к которым политики и чиновники обращались для того, чтобы справиться с крупнейшим со времен Великой депрессии экономическим кризисом. Моя книга рассказывает о том, почему это произошло и как неолиберальная вера в могущество рынков приобрела доминирующую роль в политике Англии и США и сохраняла ее на протяжении последней четверти XX в. вплоть до финансового кризиса 2008 г.

Кончину послевоенного экономического устройства ускорила череда катастрофических событий: Вьетнамская война, первый нефтяной кризис 1973 г. и почти полный коллапс трудовых отношений в Англии. Складывалось впечатление, что вдохновленная Кейнсом политика, на которую правительства полагались в надежде обеспечить послевоенному поколению золотой век процветания и высоких доходов, исчерпала себя. Последовавший в 1971 г. крах Бреттон-Вудской международной денежной системы ознаменовал собой конец эксперимента с фиксированными курсами валют. Предположение, что между инфляцией и безработицей существует простая и управляемая обратная зависимость, знаменитая «кривая Филлипса» (названная по имени новозеландского экономиста-кейнсианца Уильяма Филлипса), оказалось опасным заблуждением. Повторявшиеся кризисы платежного баланса были самым важным симптомом так называемой «английской болезни», промышленного упадка. И в Англии, и в США появление стагфляции – экономической депрессии в сочетании с инфляцией – означало, что жизнь заставляла правительства сменить курс.

На повестке дня стояла новая политика, призванная заменить Новый курс, „либерализм“³ «Великого общества», английскую социальную демократию и кейнсианскую экономическую

² Цит. по: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 340. – Прим. перев.

³ Здесь следует уточнить, что сегодня в США слова «либерализм», «либерал», «либеральный» означают комплекс идей и политических принципов, во всех отношениях противоположных классическому либерализму XVIII–XIX вв. Современный американский либерал стремится к всемогуществу правительства, является твердым противником свободного предпринима-

политику. Стоявшим у власти кейнсовским «практическим людям» эти новые подходы к макроэкономическому управлению, к дерегулированию производства и финансовых рынков, к «проблеме» влияния профсоюзов, к снижению уровня жизни в городах и нехватке доступного жилья казались привлекательными и реальными ответами на экономический и политический кризис 1970-х годов. Поэтому когда развеялась химера стабильности, порожденная Бреттон-Вудским соглашением, политики правого и, что не менее важно, левого толка обратились к рецептам таких известных людей, как Фридрих Хайек, Людвиг фон Мизес, Милтон Фридмен, Джордж Стиглер и Джеймс Бьюкенен (все, кроме Мизеса, в разное время стали нобелевскими лауреатами). Эти мыслители стояли на позиции, которая получила название неолиберализма. Нарисовать точный исторический портрет неолиберализма достаточно трудно. Этот термин оторвался от своих сложных и разнообразных истоков. Его очень часто используют как весьма расплывчатое и условное обозначение ужасов глобализации и повторяющихся финансовых кризисов. Но в моей книге трансатлантический термин «неолиберализм» имеет следующее значение: это основанная на принципах индивидуальной свободы и ограничения полномочий государства идеология свободного рынка, которая связала человеческую свободу с действиями рационального и нацеленного на свою выгоду индивида в сфере рыночной конкуренции.

В Европе и США неолиберальные идеи медленно формировались на протяжении пятидесяти лет усилиями «академических писак». Неолиберализм возник в межвоенные годы из дискуссий в либеральной среде по поводу усиления профсоюзов, всеобщего избирательного права и методов управления экономикой в военное время, которые консолидировали наметившуюся в конце XIX – начале XX в. тенденцию к росту полномочий правительств и бюрократии. Такие новые политические течения, как Новый „либерализм“ Г. Г. Асквита и Дэвида Ллойд Джорджа в Англии, рассматривали государство не как препятствие для свободы, а как способ предоставить гражданам больше свободы с помощью новых форм социального и пенсионного обеспечения. В США прогрессистские реформаторы полагались на новые научные подходы к социальным проблемам, разработанные в Европе. После свержения царизма большевиками в 1917 г. призрак коммунистической революции уже не исчезал. Тревожное политическое явление возникло и в виде чернорубашечников Муссолини. Во всех этих тенденциях либералы видели угрозу существующим свободам.

Привлекательность социализма и перспектива революции добавили злободневности дискуссиям, которые экономисты вели по поводу осуществимости экономического планирования. В 1920-х годах в Кембриджском университете Джон Мейнард Кейнс предложил решить проблему экономических спадов с помощью расширения государственных расходов в качестве антициклической меры. Тем временем в 1920 г. в Вене ведущий представитель австрийской экономической школы Людвиг фон Мизес анализировал главную проблему экономического расчета при социализме: можно ли эффективно размещать ресурсы в условиях плановой экономики. Позже ученик Мизеса, друг и идейный оппонент Кейнса, Хайек добавил завершающие штрихи; он считал, что механизм цен работает как генератор информации и посылает столь точные и понятные сигналы производителям и потребителям, что никакие планы не способны их заменить. После краха Уолл-стрит капитализму, казалось, пришел конец. Хайек спорил с Кейнсом по поводу предложения последнего использовать налогово-бюджет-

тельства и отстаивает всестороннее регулирование, осуществляемое властями. Произошло не само собой, а в результате сознательной подмены понятий Франклином Рузвельтом, искавшим подходящий словесный ярлык для своей программы регулирования экономики. Для этого он выбрал не использовавшееся в США, но престижное и имеющее только благоприятные ассоциации слово «либеральный». Так получилось, что одновременно права на этот бренд предъявил Герберт Гувер и исход спора решился в ходе избирательных кампаний 1932–1940 гг. История борьбы за либеральный бренд рассказывается в книге Рональда Ротунды «Либерализм как слово и символ» (М.; Челябинск: Социум, 2016). Во избежание возникновения путаницы между европейским и американским значениями слов «либерализм», «либерал», «либеральный» в русском переводе настоящей книги эти слова окружены немецкими кавычками („...“), когда используются в американском значении. Исключение сделано для цитат: все кавычки внутри цитат принадлежат авторам соответствующих фрагментов. – *Прим. науч. ред.*

ную (фискальную) политику для ликвидации колебаний экономических циклов. Эта дискуссия завершилась публикацией работы Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936), которая преобразовала экономическую политику, ибо, как тогда казалось, объясняла, за счет чего можно справиться с рецессиями¹.

Великая депрессия заставила многих ранних неолибералов австрийской школы, фрайбургской школы и Лондонской школы экономики признать, что для выполнения главной задачи государства – поддержания рыночного порядка необходимы некоторые формы государственного вмешательства и социального обеспечения. Так считал Хайек, так считали его друг и впоследствии коллега по Лондонской школе Карл Поппер и лидер первой Чикагской школы экономики Генри Саймонс. В Германии фрайбургская школа, известная как «ордолибералы» (по названию журнала «*Ordo*», главному органу этого течения после 1948 г.), полагала нужным использовать возможности государства для поддержания рыночного порядка. В этом она отклонялась от доктрин *laissez faire*⁴ XIX в. и новейшего активистского „либерализма“ Ллойд Джорджа и Франклина Рузвельта. Она хотела воссоздать *неолиберализм* в духе свойственной классическому либерализму преданности индивидуальной свободе. Таким образом, неолиберализм формировался в межвоенный период как совокупность точечных реакций на конкретные ситуации – опыт войны и экономической депрессии, наступление фашизма, нацизма и коммунистического тоталитаризма, – и эти ситуации сильно отличались от условий конца XX в., когда этот термин стал синонимом либерализации рынка и глобализации.

После 1945 г. Хайек и Фридмен сначала помогли разработать, а потом консолидировать программу неолиберальной социально-экономической политики и политическую стратегию. В 1947 г. Хайек собрал группу разрозненных интеллектуалов на встречу в Швейцарии, чтобы обсудить, как можно отстоять либерализм перед лицом вызовов со стороны «коллективизма»; этот термин понимался очень широко и включал в себя нацистский и советский тоталитаризм, „либерализм“ Нового курса и английскую социальную демократию. Группа приняла название Общества Мон-Пелерен. Затем в статье 1949 г. «Интеллектуалы и социализм» Хайек сослался на успехи левых английских фабианцев в подтверждение своей мысли, что в рамках рыночной системы индивидуальную свободу можно защитить только с помощью стратегии формирования общественного мнения, которую продвигает и направляет элита. Как и Кейнс, Хайек считал, что идеи проникают в политику очень медленно. Поэтому для успеха свободной рыночной системы необходимо сосредоточиться на изменении унаследованного «торговцев подержанными идеями», интеллектуалов. Стратегия была ясна: теоретики неолиберализма должны привлечь на свою сторону широкие круги интеллигенции, журналистов, экспертов, политиков и чиновников. Это было осуществлено с помощью трансатлантической сети финан-

⁴ *Laissez faire* – первая часть классической максимы, предписывающей государству не вмешиваться в хозяйственную деятельность частных лиц: *laissez faire, laissez passer* (позволяйте делать, позволяйте двигаться (*фр.*)). Источником происхождения этого выражения считается ответ фабриканта Лежандра главе правительства Людовика XIV Жану-Батисту Кольберу, спросившему, что он может сделать для промышленности: «*Laissez nous faire*» («Позвольте нам действовать»). Впервые записана в 1736 г. в рукописных мемуарах пересказывавшего эту историю маркиза Рене-Луи д'Аржансона (1694–1757), экс-министра Людовика XV и руководителя внешней политики Франции в 1741–1747 гг. (Подробнее см. в: *Опкен А.* Максима *Laissez faire et laissez passer*, ее происхождение, ее становление: к истории теории свободы торговли. М.; Челябинск: Социум, 2017 (готовится к печати)). Каково бы ни было происхождение этой фразы, сама доктрина возникла естественным образом на рубеже XVII–XVIII вв. как протест против избыточного регулирования промышленности со стороны правительства. Содержательно первая часть этой фразы означает требование *свободы предпринимательства*, вторая – требование *свободы торговли*. Влияние доктрины *laissez faire* на реальную жизнь достигло апогея около 1870-х годов (см. также комментарий о манчестерском либерализме на с. 31). В первой трети XIX в. для обозначения экономической политики *laissez faire, laissez passer* появился подходящий термин – либерализм. Но уже к концу XIX в. он был присвоен противниками этой идеологии: почти все, кто называл себя «либералами» в конце XIX – начале XX в., выступали за ограничение частной собственности и отстаивали мероприятия частью социалистические, частью интервенционистские. В связи с тем, что эта доктрина активно обсуждается на страницах книги Д. Стедмена-Джоунза без сколько-нибудь подробного изложения ее содержания, мы решили опубликовать в качестве Приложения к русскому изданию параграф «О смысле *laissez faire*» из главного сочинения одного из героев этой книги Л. фон Мизеса. – *Прим. науч. ред.*

совых спонсоров и возглавлявших аналитические центры идеологических предпринимателей, а также с помощью популяризации неолиберальных идей журналистами и политиками.

В последующие десятилетия неолиберальный центр тяжести сместился из Европы в США, прежде всего в Чикагский университет. Статус Хайека как теоретика-основоположника оставался незыблемым, а самым талантливым прозелитом неолиберализма проявил себя Милтон Фридмен, неутомимый «публичный интеллеktуал» и поборник рыночной системы. Другие чикагские экономисты – Джордж Стиглер, Аарон Директор, Рональд Коуз и Гэри Беккер – предложили новые направления анализа свободного рынка. Хайек в 1950-х годах тоже работал в Чикаго, в университетском Комитете по социальной мысли (на экономическом факультете его австрийские теории воспринимались не очень благосклонно). Он тоже неустанно пропагандировал свои идеи. Союзницей чикагской школы была виргинская школа Бьюкенена и Таллока с ее теорией общественного выбора. Теория рационального выбора, разработанная Уильямом Райкером в университете Рочестера, тоже, подобно чикагской и виргинской теориям, использовала экономические рационально обоснованные модели максимизации полезности для объяснения государственной политики и прочих сфер социальной и политической жизни. Эти обитавшие в США неолибералы сформировали интеллектуальные узлы в самой сердцевине трансатлантической сети, объединявшей аналитические центры, бизнесменов, журналистов и политиков, которые распространяли все более четкие идеологические сигналы о превосходстве свободных рынков.

Отточенную неолиберальную теорию, созданную этими усилиями, следует отличать от чисто научного вклада австрийской, чикагской и виргинской экономических школ. Фридмен сам утверждал, что специальные и эмпирические исследования, выполненные им как экономистом, относились к иной сфере, нежели его политическая теория и общественная деятельность. Он имел в виду, что его исследования были открыты для строгой эмпирической проверки и поэтому теоретически могли быть пересмотрены; если же говорить о защите достоинств рынка, то она, напротив, проистекала из глубоких и неизменных политических убеждений. Однако несомненно, что рыночные симпатии Хайека, Фридмена, Стиглера, Бьюкенена и Таллока снискали доверие благодаря научным достижениям этих людей. Их академический авторитет способствовал тому, что политики и чиновники с большей серьезностью воспринимали неолиберальные идеи, когда эти последние соответствовали новому набору проблем, – как предложения Кейнса соответствовали им в период Великой депрессии.

В середине 1970-х годов неолиберальные подходы к макроэкономическому управлению и регулированию впервые возобладали в администрации президента-демократа Джимми Картера и в окружении лейбористских премьер-министров Гарольда Вильсона и Джеймса Каллагэна. Картер начал дерегулирование транспортного и банковского секторов и назначил Пола Волкера главой Федерального резерва. После 1975 г. Вильсон, его преемник Каллагэн и министр финансов Денис Хили предприняли резкое сокращение государственных расходов и отказались ради обуздания инфляции от долго лелеяемой послевоенной цели – полной занятости. Эти неолиберальные начинания были предприняты левыми политиками, поскольку „либерализм“, социальная демократия и кейнсианство выглядели беспомощными перед лицом stagflation. Но уже в 1960-е годы у ведущих английских и американских политиков наметилась склонность к перемене позиции по целому ряду проблем, особенно по отношению к профсоюзам, социальному обеспечению, жилищному строительству и развитию городской инфраструктуры. Для тех сфер, где прежняя политика явно провалилась, – например, доступное жилье и реконструкция городов, – с большей готовностью проводился поиск решений, основанных на рыночных принципах.

Несмотря на то что политика менялась постепенно, неолиберальное наследие не следует рассматривать только как настоятельные рекомендации по постепенному переходу от государственного снабжения к рыночному экспериментированию. Напротив, изначальная привлека-

тельность неолиберальных рецептов в конце концов, в 1980-х годах, привела к повсеместному и гипертрофированному господству философии свободного рынка. Это был перебор. Некоторые предложения неолибералов действительно отвечали проблемам 1970-х годов – стагфляции, ухудшению трудовых отношений, провалу стратегий по социальному обеспечению и борьбе с бедностью, снижению экономической конкурентоспособности. Но отсюда никак не следовало, что неперенным атрибутом реализации этих предложений должно стать усиление веры в рыночную систему. Ведь именно безграничная вера в могущество рынка и возможности дерегулирования привела поколением позже, в 2007–2008 гг., к краху международной финансовой системы. Кроме того, радикальная рыночная философия вступила в противоречие с более умеренной первоначальной позицией самих неолибералов. Этот скачок сделали энергичные правые политики после избрания Маргарет Тэтчер в 1979 г. и Рональда Рейгана в 1980 г. О том, как неолиберальные представления – об индивидуальной свободе, свободных рынках и дерегулировании – трансформировались в электорально успешные программы в Англии и США в период между 1940-ми и 1980-ми годами, и пойдет речь в этой книге.

Три фазы неолиберализма

В истории неолиберализма четко выделяются по крайней мере три фазы. Первая продолжалась с 1920-х годов примерно до 1950 г. В межвоенной Европе сам термин начал наполняться содержанием, по мере того как экономисты австрийской школы и немецкие ордолибералы пытались очертить контуры рыночного общества, которое, по их мнению, было наилучшим способом организовать экономику и обеспечить индивидуальные свободы. Термин «неолиберальный» одобрили участники коллоквиума Уолтера Липпмана, организованного в 1938 г. французским философом Луи Ружье в Париже для обсуждения книги Липпмана «Хорошее общество» (Lippmann «The Good Society», 1937). На этом термине остановились потому, что обозначал нечто большее, чем просто возвращение к экономической доктрине *laissez faire*. Чтобы справиться с вызовами 1930-х годов, неолиберализм должен был переформулировать идеи либерализма. В числе участников были Хайек, Александр Рюстов, Вильгельм Рёпке, Людвиг фон Мизес, а также французский экономист Жак Рюэфф и разносторонний венгерско-английский ученый Майкл Полани. Эти люди вместе с другими из Европы и Америки впоследствии, в 1947 г., создали Общество Мон-Пелерен под руководством Хайека и Рёпке и при финансовом содействии швейцарского бизнесмена Альберта Хунольда.

Влияние того либерализма, за который выступало Общество Мон-Пелерен, заметно уже в статье Милтона Фридмена «Неолиберализм и его перспективы», опубликованной в 1951 г.² Хотя эта статья прошла практически незамеченной и во многих отношениях не характерна для стиля мышления Фридмена, в ретроспективе ее можно рассматривать как важное переходное звено между первой и второй фазами неолиберализма, между интересами преимущественно европейских основателей течения, представлявших Австрию, Лондон, Манчестер, Францию, Швейцарию и Германию, и интересами следующего поколения, представители которого хотя и далеко не все были американцами, но группировались главным образом в Чикагском и Виргинском университетах. Конечно, «первая Чикагская школа» экономики, к которой принадлежали Фрэнк Найт, Джейкоб Вайнер и Генри Саймонс, тоже сыграла роль в формировании неолиберализма, но большинство ранних неолибералов были все же европоцентричными.

Вторая фаза неолиберализма длилась с 1950 г. вплоть до кульминации политики свободного рынка при Тэтчер и Рейгане в 1980-х годах. Почти весь тот период, когда „либерализм“ Нового курса и английская социальная демократия находились в зените, когда торжествовали неокейнсианские рецепты экономической политики, обернулся для неолибералов, на первый взгляд, тощими годами. Если не считать Германию, в 1950- 1960-х годах они не имели реальных политических успехов. Но зато неолиберализм консолидировался идейно и мужал политически. Он превращался в узнаваемое идейное направление и политическое движение. Группа теоретиков, исследователей, бизнесменов и политиков приобретала все большую уверенность в себе, оттачивала выверенную программу рыночных рекомендаций и выдвигала ее на первый план. Любопытно, что именно в этот период пропагандисты неолиберализма стали не так часто употреблять сам термин «неолиберализм». Это было довольно странное время, потому что именно тогда американские теоретики неолиберализма все чаще применяли это понятие к таким сферам, как отраслевая организация, денежная политика и регулирование. Но причина, возможно, в том, что в американском контексте этот термин в то время не имел значительной смысловой нагрузки.

Особенностью позиции чикагской школы была «методология позитивной экономики», из которой потом возникли фридменовское возрождение монетаризма и стиглеровская теория захвата регуляторов регулируемыми. Этому эмпирическому уклону сопутствовали новые теории и исследовательские проекты; эти разработки были осуществлены в 1950-х – 1960-х годах при финансовом содействии заинтересованных деловых кругов, и в них отмечалось,

что монополия по природе своей сравнительно безвредна, а крупные корпорации играют положительную роль. Чикагская школа считала, что гораздо более опасным проявлением монополизма является власть, присвоенная профсоюзами. Однако мнение чикагской школы резко контрастировало с позицией европейского неолиберализма и даже с позицией таких ее собственных предшественников, как Фрэнк Найт, Джекоб Вайнер и особенно Генри Саймонс. Немецкие ордолибералы, например, всегда придавали большое значение энергичной анти-монопольной политике. Наряду с прикладными разработками чикагские экономисты поднимались и на более высокий уровень. В полемической книге Фридмена «Капитализм и свобода» (1962) – Филипп Мировски и Роб Ван Хорн назвали ее «Американской „Дорогой к рабству“»³ – рынок предстает как совокупность средств, доставляющих и социальные блага, и цели, т. е. саму хорошую жизнь.

Третья фаза в истории неолиберализма, начавшаяся после 1980 г., связана с активным внедрением принципов рыночной либерализации и финансовой дисциплины в политику развития и международной торговли. Неолиберализм вырвался за границы круга, ограниченного пределами преимущественно североатлантической и западноевропейской научной элиты и внутренней национальной политики, и проник во многие глобальные институты, особенно в бывших коммунистических странах и в развивающемся мире. Его принципы были восприняты экономистами и руководством Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка, Всемирной торговой организации (ВТО), Евросоюза и вошли в состав Североамериканского соглашения о свободе торговли (НАФТА). 1980-1990-е годы примечательны пресловутой политикой «структурной реформ», которую продвигали все эти организации и соглашения. В 1989 г. английский экономист Джон Уильямсон подытожил основные ее положения, назвав это «Вашингтонским консенсусом»; последний включал налоговую реформу, либерализацию торговли, приватизацию, дерегулирование и гарантию прав собственности⁴. Решительность, с которой проводилась эта политика, резко критиковали такие экономисты, как Джозеф Стиглиц и Пол Кругман, а также бескомпромиссные оппоненты капитализма в движении антиглобалистов, громко заявившего о себе во время конгресса ВТО в Сиэтле в 1999 г.

Предметом настоящей книги является вторая фаза неолиберализма. В этот период первые дискуссии о правильном сочетании рынка с нарождавшимся социальным государством или о «совместимых» экономических интервенциях, предусмотренных концепцией «поэтапной социальной инженерии» Карла Поппера, выливались в полное отрицание экономического планирования, социальной демократии и „либерализма“ Нового курса. Более умеренная позиция характерна для таких работ, как «Дорога к рабству» Хайека (1944) и «Открытое общество и его враги» Поппера (1945), или программ, намеченных в «Хорошем обществе» Липпмана (1936) и в «Экономической политике для свободного общества» Генри Саймонса (1946). В подобных работах признавалась необходимость систем социального обеспечения. Но после того, как Хайек в 1947 г. основал Общество Мон-Пелерен, неолиберальные теоретики начали отказываться от компромиссов, которые были наследием 1930-1940-х годов, и переходить на позицию, уже почти не обремененную сомнениями в достоинствах рынка⁵. Экономисты из Чикагского, Виргинского и Рочестерского университетов все настойчивее превозносили свободный рынок, дерегулирование и стимулирующее воздействие рациональных ожиданий. Эти идеи продвигались в 1950-1960-х годах такими аналитическими центрами, как британский Институт экономических дел (IEA) или Американский институт предпринимательства (AEI).

Хотя после 1950 г. чикагская и виргинская теории стали более прямолинейны, а перья Фридмена, Стиглера и Бьюкенена с большей энергией превозносили рынок, в политической сфере это привело к тому, что неолиберальные идеи стали четче и резче. Скажем, такие организации, как IEA и AEI, говорили о необходимости социального и экономического неравенства, поскольку оно служит двигателем социального и экономического прогресса. (Хайек в

своих поздних работах тоже предпочел более «эволюционистский» подход к социальной и политической философии⁶.) Благодаря упрощению тезисов неолиберальные идеи стали пользоваться повышенным спросом во всякого рода дискуссиях, которыми сопровождались многочисленные кризисы „либерализма“ и социальной демократии в 1960 – 1970-х годах. Поборники неолиберализма, в частности Фридмен, сразу подметили это обстоятельство. Простота сделала неолиберальные лозунги более энергичными, и это означало, что они попали в поле зрения ведущих политиков, – особенно когда экономическая ситуация по обе стороны Атлантики ухудшилась.

Добавочную привлекательность придавала неолиберализму его внешняя созвучность с традициями и мифами американского индивидуализма. Если такие фигуры, как Барри Голдуотер и Рональд Рейган, одобряли неолиберальную политику, это отнюдь не означало, что они считали себя неолибералами. В условиях Америки неолиберальные идеи прокладывали дорогу тихо и незаметно, под видом грубого индивидуализма или либертарианства, – течения хотя и отличного от консерватизма, но имевшего с ним общее пространство. Рейган умело соединил эти две традиции с другими формами социального и религиозного консерватизма. Важный аспект этой фазы в истории неолиберализма состоял, таким образом, в том, как политические привлекательные, преимущественно экономические неолиберальные рекомендации сочетались с формами резкой реакции социального и культурного консерватизма на „либеральный“ прогрессизм 1960-х годов. Это была та идеология, которая в конечном счете снижала расположение политиков и общества США после 1968 г.

Некоторые наблюдатели, особенно политики, состоявшие в консервативном (Англия) и республиканском (США) правительствах в 1980-х годах, скептически относились к утверждению Кейнса, что «кабинетные писаки» оказывают воздействие на политику. Дело, говорили они, в другом: экономическая реальность Англии и США привела к победе на выборах Тэтчер и Рейгана. И их действия были успешными именно потому, что были правильными. Однако исторический процесс, о котором я сейчас говорю, процесс проникновения идей в программы политических партий, наглядно показывает, как идеи движутся, меняются, искажаются и порой смешиваются с полярными противоположностями в неприглядном мире электоральной и всевозможной прочей, в том числе государственной политики⁷. И настоящая книга, в отличие от тех исторических работ, личных суждений и комментариев, которые рисуют благостную картину неизбежности или триумфа политики новых правых, в значительной мере посвящена тому, чтобы показать, насколько непредсказуемыми, случайными и неожиданными путями проявлялось влияние неолиберальных идей. Но прежде чем приступить к этой истории, нужно сначала четко обрисовать место неолиберализма в истории идей и широком дискуссионном контексте; это позволит правильно позиционировать основные положения данной книги.

Неолиберализм и история

Как отметила политолог Рэйчел Тернер, и в широких дискуссиях, и в научной литературе термин «неолиберализм» используется в очень расплывчатом значении⁸. Общий абрис истории термина как будто не вызывает разногласий, но вот точное его содержание обычно ускользает от понимания. Это, наверное, неудивительно, поскольку историки только начали изучать происхождение термина и уточнять его действительное значение. Задача усложняется еще и тем обстоятельством, что на разных берегах Атлантики термины «либерализм», «неолиберализм», «новый либерализм», «новые демократы», «новые лейбористы», «неоконсерваторы» понимаются по-разному⁵.

Попытки уточнить значение термина, – например, изданный Филипом Мировски и Дитером Плеве сборник «The Road from Mont Pelerin» (2009), – сделали акцент на динамической природе неолиберализма. Статьи сборника посвящены «коллективу неолиберальных мыслителей», который сознательно ограничен учеными и теоретиками Общества Мон-Пелерен. Если исходить из того, в каком расплывчатом значении обычно используется этот термин, стремление уточнить его путем привязки к определенному обществу, его членам и их работам, конечно, можно считать похвальным. Вместе с тем такое узкое понимание сопряжено с опасностью упустить из вида ряд более широких политических коннотаций, особенно во второй фазе истории неолиберализма. Я вкладываю в термин «неолиберализм» более широкое содержание. В моей книге он обозначает не одну лишь конкретную группу ученых и политиков, принадлежащих к одной определенной организации, но применяется как к мыслителям и организаторам исследований, которые развивали стратегию Хайека, так и к практическому воплощению неолиберальных идей после 1970 г. Таким образом, я выхожу за пределы теоретических дискуссий в Обществе Мон-Пелерен и дополняю их более широким политическим ракурсом.

Неолиберализм не был совершенно однородным и целостным политическим движением. Некоторые целесообразные с точки зрения государственного управления действия Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана вступали в противоречие с идеалом рыночного органицизма, особенно наглядно явленным в обращениях Хайека к Эдмунду Бёрку⁹. Такие политики, как Маргарет Тэтчер, Рональд Рейган, Джек Кемп и Найджел Лоусон (никто из них не состоял в Обществе Мон-Пелерен), утверждали, что их политика – это составная часть традиции, восходящей к классической либеральной политической экономии Давида Юма, Адама Смита, Давида Рикардо и либералам манчестерской школы^{6, 10}, Ричарду Кобдену и Джону Брайту. А

⁵ См. выше прим. на с. 14. – *Прим. науч. ред.*

⁶ Манчестерская школа (манчестеризм, манчестерство, манчестерский либерализм) – либеральная политическая и экономическая программа (идеология), сформулированная в ходе агитации за отмену хлебных законов в Англии в середине XIX в. и в последующие годы лидерами «Лиги за отмену хлебных законов» (прежде всего Ричардом Кобденом и Джоном Брайтом). Фразу «манчестерская школа» часто использовал британский политический деятель Бенджамин Дизраэли для обозначения движения за свободу торговли; в Германии социалисты и националисты использовали придуманный Фердинандом Лассалем термин «манчестерство» (*manchestertum*) в качестве синонима «бездушного капитализма» для оскорбления и высмеивания своих либерально настроенных оппонентов. В ходе агитации в речах ораторов Лиги были сформулированы и обоснованы все основные принципы либеральной экономической и внешней политики. В значительной мере они были положены в основу деятельности правительств Великобритании во второй половине XIX в. Участники движения не оставили систематизировать – важных трудов в этой области, их идеи разбросаны в многочисленных речах на митингах. Только собрание речей Кобдена состоит из трех томов общим объемом более 3000 страниц. Это был (и остается) в высшей степени практический либерализм. Теоретической основой манчестерского либерализма послужили произведения Давида Юма, Адама Смита, Давида Рикардо, Джона Стюарта Милля. В области внешней политики представители манчестерской школы выступали резко против войны и империализма, проповедуя мирные отношения между народами. В 1927 г. Людвиг фон Мизес изложил основные положения манчестерской версии классического либерализма в своей книге «Либерализм», которая и сегодня остается единственным систематическим изложением принципов либерального устройства общества и государства, основ либеральной экономической и внешней политики, демонстрируя тесную связь между международным миром, частной собственностью, гражданскими правами, свободным рынком и экономическим процветанием. В настоящее время термин «манчестерская школа» иногда приме-

если брать более современных мыслителей, то она опирается на идеи Хайека, Фридмена и Бьюкенена. Подобные заявления отражают вполне определенный взгляд на историю либерализма; они свидетельствуют об усвоении неолиберальной идиоматики. Перечисленным политикам, например, нравился либерализм Джона Стюарта Милля в статье «О свободе», но не нравился его «Утилитаризм».

Неолибералы как авторитарного, так и либертарианского толка с подозрением относились к «новому либерализму» Л. Т. Хобхауса⁷⁸ или Уильяма Бевериджа и Джона Мейнарда Кейнса, поскольку „либерализм“ этого типа уповал на вмешательство государства. Также им не нравились «Великое общество» Линдона Джонсона, английская социальная демократия Клементы Эттли и Ная Бивена и даже консерватор Рэб Батлер (тот самый «Бат» в «батскеллизме», как остроумно окрестил послевоенную английскую политику автор журнала «Economist» Норман Макрей⁹). Но больше всего они не любили Новый курс Франклина Рузвельта. Политическая неоднородность неолиберализма, как и разнообразие ученых и дисциплин, ассоциируемых с самим Обществом Мон-Пелерен, требует серьезного исторического объяснения. Как и почему термин «неолиберализм» *действительно приобрел* гораздо более широкое значение, чем то, которое, возможно, хотели сохранить за ним Хайек и его единомышленники на встречах и дискуссиях в своем обществе?

Неолиберальные идеи, несомненно, имеют немалое внешнее сходство с классическим либерализмом и либерализмом *laissez faire* манчестерской школы. Вместе с тем им присущи важные особенности, не свойственные более ранним формам либеральной мысли. Как показывают последние исследования, ранние неолибералы – в Австрии, Париже, Швейцарии и Германии, в Лондонской школе экономики, Манчестере и Чикаго – были критически настроены и по отношению к классическому либерализму, и по отношению к тому, что они воспринимали как эксцессы *laissez faire*¹¹. Потом, в послевоенные десятилетия, неолиберальные ученые и политики начали распространять эту критику и на другие области, в том числе путем связывания свободной рыночной системы со свободой как таковой. Ряд важных расхождений и различий между ранними формами либерализма и неолиберальной мыслью будет подробно рассмотрен в главе 3.

Вплоть до последнего времени в описании неолиберализма преобладал мемуарно-журналистский подход, рассматривавший неолиберализм скорее как свершившийся политический и экономический факт, чем как историческое явление, которое еще ждет своего объяснения. Обсуждение неолиберализма сосредоточено на его нынешнем существовании в качестве категории текущей политики и обходит вниманием его происхождение, развитие и последствия (прошлые). Историческая перспектива почти полностью отсутствует. Лишь совсем недавно исследования таких историков, как Энгус Бёргин и Бен Джексон, начали восполнять этот пробел, особенно в отношении 1930-1940-х годов. Они существенно улучшили наше понимание того, чем вдохновлялись ранние либералы и, соответственно, понимание контраста между этими ранними годами и более поздним временем. Но несмотря на эти усилия, история нео-

няется для обозначения радикального либерализма/либертарианства в экономической политике: *laissez faire* (см. выше прим. на с. 17), свобода торговли, устранение государства из экономики и оптимистический акцент на «гармонизирующем» влиянии капитализма свободного предпринимательства.

⁷ См.: *Бастия Ф.* Кобден и Лига: движение за свободу торговли в Англии. М.; Челябинск: Социум, 2017; *Мизес Л. фон.* Либерализм. Челябинск: Социум, 2014. – *Прим. науч. ред.*

⁸ См.: *Хобхаус Л. Т.* Либерализм // О свободе: антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 83 – 182. – *Прим. науч. ред.*

⁹ Батскеллизм – распространенный в Великобритании в 1950-е годы термин, составленный журналом «Economist» из фамилий двух политиков, последовательно занимавших пост министра финансов – лейбориста Хью Гейтскелла (1950–1951) и консерватора Р. А. Батлера (1951–1955). Оба выступали за «смешанную экономику», мощную программу социального обеспечения и кейнсианскую систему контроля и регулирования спроса. – *Прим. науч. ред.*

либерализма по-прежнему находится во власти двух диаметрально противоположных интерпретаций, каждая из которых страдает крупными недостатками.

Первая – это миф об исторической неизбежности торжества неолиберализма. Этот миф подпитывают не только интеллектуалы и политики неолиберального толка; его укрепляют некоторые историки и политологи. Самый яркий и академичный образец этой концепции, в данном случае применительно к Англии, – книга Ричарда Коккетта «Мыслить немислимое» (Richard Cockett «Thinking of the Unthinkable»); в ней повествуется о центральной роли английских аналитических центров в разрушении послевоенного консенсуса по макроэкономической политике в Англии¹². Что касается США, то Джордж Нэш рисует детальную картину консервативного интеллектуального влияния и, в частности, историю «фьюжионизма», слияния различных направлений консерватизма, которое одобрял и поддерживал Уильям Бакли и практически осуществил Рейган. Книга раскрывает невероятную сложность и внутреннюю противоречивость течения «новых правых»¹³. В том же духе выдержаны биографии таких видных политических фигур, как Барри Голдуотер, Энох Пауэлл, Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер, их собственные мемуары и воспоминания их коллег, в частности Джеффри Хау, Найджела Лоусона и Алана Гринспена¹⁴.

Неолиберализм представляет собой призму, сквозь которую можно рассматривать трансформацию всего политического спектра, а не только отдельно взятых сегментов Консервативной или Республиканской партий. Правый крен политики в Англии и в США – это не просто история подъема или успеха какой-то новой версии консерватизма. Успех неолиберальных идей не был непосредственным побочным продуктом подъема «новых правых» или триумфа тэтчеризма. Изменение экономической политики в 1970-х годах стало возможным благодаря успеху предложений, которые стояли выше узкой партийной принадлежности. Ужасное экономическое положение привело к тому, что монетаризм, дерегулирование и профсоюзная реформа проникли в политику Картера и Каллагэна как троянские кони, наполненные спорной неолиберальной верой во всемогущество рынка. Важность этого обстоятельства – а именно того, что признание необходимости изменить политику в некоторых ее экономических аспектах совершенно не подразумевает абсолютизации господства свободного рынка, – в значительной степени недооценивалась. Во многих работах совершенно не прослеживается связь между политикой Рейгана и Тэтчер и ее предшественницами – соответственно политикой лейбористской и демократической партий; единственное, что говорится, это то, что им пришлось вынужденно, против воли, стать адептами чуждой идеологии. Консервативные авторы привыкли считать, что некоторые ключевые решения лейбористского и демократического правительств в 1960-1970-е годы были притворством; а левые и „либеральные“ авторы называют их постыдными. Эти оценки упускают из вида важные составляющие успехов и неудач неолиберального политического проекта.

Вторая основная интерпретация неолиберализма, известная своим критическим к нему отношением, считает неолиберализм монолитным и опасным проявлением влияния США на глобальную политику. С этой точки зрения неолиберализм, уже полностью сработанный в политической мастерской чикагских экономистов, вышел на сцену почти сразу после того, как в Чили генерал Аугусто Пиночет в 1973 г. сверг демократическое правительство Сальвадора Альенде. Цель неолиберализма состояла в том, чтобы причинить как можно больше вреда бедному населению развитого и, в особенности, развивающегося мира. По этой версии, «чикагские мальчишки» в Чили – это первая группа, продвигавшая разрушительную программу рыночной либерализации, которую потом в виде «структурных реформ» стали навязывать такие организации, как МВФ, Всемирный банк и Министерство финансов США¹⁵. Фридмен и Хайек – теоретические основоположники, а Тэтчер и Рейган – образцовые практические политики западного неолиберализма. Этот термин включает в себе отрицательный оттенок

смысла. Английский географ-марксист Дэвид Гарви, например, утверждает, что «неолиберализация» на самом деле представляла собой очень эффективную форму классово-борьбы со стороны финансового капитала, – как в Китае, так и на Западе¹⁶. Эндрю Глин полагал, что в 1970-х годах катализатором рыночных реформ в развитом мире стал кризис прибыльности бизнеса¹⁷. Наоми Кляйн, изъясняющаяся более понятным для масс языком, назвала неолиберализм «шоковой доктриной ужасного капитализма», которую подпитывают такие катастрофы, как теракт 11 сентября [2001 г.], война в Ираке и ураган Катрина¹⁸.

В подобного рода концепциях содержится ряд ценных наблюдений, особенно по поводу неприглядных связей между бизнесом, финансовым капиталом и политической властью. Но в целом они оставляют желать много лучшего. Как отметил Мировски, ошибочно сводить неолиберальные идеи к неоклассической экономической теории, что склонны делать эти авторы¹⁹. С точки зрения общественного мнения неолиберальные идеи сформировались под преобладающим влиянием чикагской экономической теории. Но на самом деле они представляли собой коктейль, основой которого было не только убеждение в могуществе рынков или, говоря проще, корпораций, но и крайнее недоверие к власти государства, к его вмешательству и к бюрократии. Подобным же образом интеллектуальные и политические стратегии, реализуемые неолибералами в послевоенный период, установили новые точки соприкосновения между научным сообществом и политикой. Новый тип политической организации был подкреплён успешной работой аналитических центров, выступающих за свободный рынок, созданных в США и Англии, – таких как Американский институт предпринимательства (АЕИ), Фонд экономического образования (ФЕЕ), Институт экономических дел (IEA), Фонд «Наследие», Центр исследования социально-экономической политики, Институт Катона и Институт Адама Смита. Руководители этих организаций – Ф. А. Харпер, Леонард Рид, Ральф Харрис, Артур Селдон, Энтони Фишер, Эд Фелнер, Эд Крейн, Имонн и Стюарт Батлеры, Мэдсен Пири – были профессиональными идеологическими предпринимателями, распространявшими неолиберализм. Их успешная деятельность оказала долговременное устойчивое влияние на политическую деятельность, которая в каждой стране обычно имела разные результаты.

Но ни концепция «неизбежности», ни марксистский или неомарксистский подход нас, конечно, не удовлетворят. Если не считать достойных упоминания попыток политологов и социологов Пола Пирсона и Моника Прасад провести сравнительный анализ английской и американской политики при Рейгане и Тэтчер²⁰, практически отсутствуют исследования, рассматривающие становление неолиберализма в его подлинном трансатлантическом контексте. Литература крайне неоднородна и посвящена либо очень узким вопросам, либо очень широким. Эти историографические лакуны не позволяют правильно понять связь между Европой, Англией и США, которая сыграла важнейшую роль в становлении неолиберальных идей и их кристаллизации в послевоенный период. Несмотря на последующую «англизацию» и «американизацию» Хайека, Поппера и Мизеса, нельзя недооценивать влияние, которое оказали на их интеллектуальное формирование проблемы и традиции, характерные для континентальной Европы. Их воздействие – в частности, страх перед нацистским тоталитаризмом и сведение воедино под ярлыком «коллективизма» таких разных политических течений, как прогрессисты, „либералы“, социалисты и социал-демократы, – в свою очередь, влияло (порой косвенным образом) на то, как неолиберализм развивался впоследствии усилиями американских теоретиков, например Фридменом и Бьюкененом.

Историкам ещё предстоит подробно исследовать нюансы послевоенного неолиберализма, отношение его политических и организационных форм к теориям главнейших его академических представителей и те пути, которыми эти идеи распространялись с помощью идеологической инфраструктуры и международных организаций. Трансатлантический характер неолиберализма часто воспринимается как некая данность, не требующая тщательного исследова-

дования ее истоков и эволюции. Не придавалось серьезного внимания тому, насколько методы нелиберальной политики отличались от нелиберальной политической философии, и какими путями нелиберальные идеи встраивались в левое политическое течение. Желание критиков рассматривать нелиберализм как идеологию злокозненной глобализации препятствовало правильному пониманию истоков его широкой популярности, поскольку американским и английским избирателям он преподносился в риторическом облачении соответственно Республиканской и Консервативной партий.

Трансатлантическая неолиберальная политика

Ядром трансатлантической неолиберальной политики была экономическая составляющая, а именно монетаристская критика неокейнсианства и превознесение свободных рынков. Ей сопутствовала и сыграла решающую роль в успехе этой политики реакция на так называемое общество вседозволенности [permissive society], громко заявившее о себе беспорядками 1968 г. (в США она сочеталась с сильным противодействием со стороны правых движению за гражданские права чернокожего населения). Эта позиция неизменно присутствовала в программах неолиберальных политиков, находившихся у власти. Вторым измерением неолиберальной политики было решительное ведение холодной войны против советского коммунизма. Но в неолиберальной политике экономическая критика всегда имела особый вес. В разгар неурядиц 1970-х годов экономические доводы против явной неадекватности кейнсианского управления спросом и крупных расходов на социальные нужды и доводы в пользу борьбы с инфляцией и засильем профсоюзов выглядели безоговорочно убедительными. Своим приходом к власти Тэтчер и Рейган обязаны в первую очередь экономическим идеям.

Некоторые аспекты истории неолиберальной политики, безусловно, хорошо изучены. И все же данная книга вносит свой вклад в трех различных историографических плоскостях. Во-первых, она дополняет существующую литературу по консерватизму, либерализму, подъему правых и самому неолиберализму за счет концентрации внимания на недооцененном реальном значении трансатлантической природы неолиберализма. Суть в том, что неолиберализм не просто появился в разных местах в одно и то же время; он появился как связующее их звено. В книге «Атлантические перекрестки» (1998) Дэниел Роджерс изображает трансатлантическую сеть прогрессистов эпохи *fin de siècle*¹⁰ и начала XX в., искавших способы обуздания «дикого» капитализма в Европе и США; он показывает, что корни Нового курса лежат в разысканиях и выводах, общих для американских и европейских реформаторов. Отчасти под влиянием этого подхода данная книга позиционирует неолиберализм в его корректном трансатлантическом контексте.

Появление «новых правых» в США и Англии в целом и политика Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана в частности порой преподносятся как случайные совпадения. Их схожесть объясняют непредсказуемым сочетанием времени, места и личных качеств. Некоторые из тех, кто дал интервью для моей книги, например Мартин Андерсон и Питер Джей, придерживаются той точки зрения, что вся значимость этого совпадения вполне проявилась лишь после того, как Тэтчер и Рейган заняли свои посты, и не в последнюю очередь благодаря их общему отношению к СССР и холодной войне. С другой стороны, наличие трансатлантической связи, которую часто объясняют просто хорошим личным знакомством Рейгана и Тэтчер, просто констатируется, без надлежащего выяснения ее подлинной природы. Эта узкий угол зрения оставляет без внимания глубинные взаимосвязи, параллели и, самое главное, различия неолиберальной политики в Англии и США.

Как сейчас представляется, действительные масштабы координации практической политики между правительствами Тэтчер и Рейгана и их членами были хотя и заметными, но ограниченными²¹. История предпринимательских зон, рассмотренная в главе 7, служит важным примером очевидного трансатлантического трансфера политики. Идея прибыла через Атлантический океан в лице Стюарта Батлера. Он покинул Институт Адама Смита, который в 1977 г. основал вместе со своим братом Имонном и Мэдсенем Пири, чтобы после 1979 г. занять важное место в вашингтонском фонде «Наследие» Эда Фелнера. Пожалуй, удивительно, что таких наглядных примеров больше нет. Но несмотря на сравнительную скудость пря-

¹⁰ Конец столетия (фр.) – Прим. науч. ред.

мого обмена, связь идей двух администраций и их общая история принципиально важны для понимания политической влиятельности и воздействия неолиберализма. Различие приоритетов администраций Тэтчер Рейгана нередко придавало результатам неолиберальной политики сугубо самостоятельный и специфически местный характер.

Во-вторых, моя книга сосредоточена на интеллектуальной истории политического развития неолиберальной мысли. Она основана на обширной собственной работе в архивах Калифорнии, Вашингтона, Нью-Йорка, Лондона, Оксфорда и Кембриджа; я смог ознакомиться с бумагами Фридриха Хайека, Карла Поппера, Милтона Фридмена, Института экономических дел и Консервативной партии. Кроме того, она основана на ряде исследовательских интервью с политиками, консультантами, членами рейгановской и тэтчеровской администрации и представителями ведущих английских и американских неолиберальных аналитических центров. Эти интервью придают исследованию колорит, вскрывают некоторые мотивы и резоны интервьюируемых, а также обладают еще одним, пожалуй самым важным, достоинством: то, что не высказано открыто, но читается между строк, позволяет лучше понять всю сложность и противоречивость использования неолиберальной теории в политической борьбе и государственной политике. Неолиберальную политику поддерживали такие разные фигуры, как чикагский экономист Генри Саймонс, австрийский философ Карл Поппер, виргинский теоретик «общественного выбора» Джеймс Бьюкенен и даже лейбористский министр Эдмунд Делл. Неолиберальная политическая когорта объединила таких деятелей, как чилийский диктатор Аугусто Пиночет, консервативный политик Кейт Джозеф, бывший глава Федерального резерва Алан Гринспен и, по-видимому, даже демокритический президент Билл Клинтон и английские премьеры-лейбористы Тони Блэр и Гордон Браун. Явная несовместимость столь разных участников сама по себе указывает на трудности, о которых я уже упоминал в связи с проблемой единообразного определения неолиберализма.

Всегда были и до сих пор сохраняются несколько версий неолиберализма, которые можно обсуждать как по отдельности, так и в различных сочетаниях. Эта сложность проявляется в отношениях между неолиберальной теоретической мыслью и классическим Просвещением, Французской революцией и консервативной реакцией на нее, Американской революцией и ее продуктом, Конституцией США, манчестерским и миллевским либерализмом, а также новыми политическими движениями XX в. Прояснение этих связей позволяет лучше понять, что противопоставляется неолиберализму: это марксистский и английский фабианский социализм, социальная демократия, группа «Одна нация» и патерналистский консерватизм, Новый курс, Великое общество и тоталитаризм левого и правого толка. Такой анализ вскрывает специфические особенности разных версий неолиберализма, их истоки и их ориентацию во власти. Сосредоточившись на идеях, мы можем точнее оценить пределы неолиберального влияния и решить проблемы, связанные с нестрогим использованием термина «неолиберальный» в качестве общего понятия.

Третий новый историографический аспект – это исследование неолиберализма как политического и вместе с тем интеллектуального движения. Оно показывает, какими методами определенный набор идей был не без искажений переведен на язык политического курса и в конечном итоге – политической борьбы. Процесс, в ходе которого идеи соединились с властными полномочиями, привел к компромиссу, но вместе с тем он привел к созданию широкой системы, которая приобрела значительное политическое влияние. В этом последнем смысле речь идет об истории системного сплетения неолиберальных организаций и идей с реальной властью. В результате (особенно в главах 6 и 7) возникает детальная картина социально-экономической политики. А история того, как теории австрийской, чикагской или виргинской школ применялись для решения конкретных социальных и экономических проблем, сталкивалась или конкурировала с традиционными, консервативными, „либеральными“ или популистскими электоральными программами, позволяет воспроизвести живую картину уловок и приемов

политической борьбы. Политики разных мастей и направлений могли выбрать и взять нужное им из меню неолиберальных предложений. Английский посол в США при Джеймсе Каллагэне в 1977–1979 гг. и экономический обозреватель газеты «Times» Питер Джей стал монетаристом с конца 1960-х годов, но он не считал, что экономическая свобода сводится к погоне за прибылью. Джей напоминает нам, что можно верить в эффективность рыночной конкуренции и при этом не желать демонтажа социального государства. Впечатляюще символический крах советского коммунизма после 1989 г. затемнил эту истину, побудив некоторых демократических и лейбористских деятелей поддержать политику, продолжавшую программу крайне правых²².

Безоговорочная поддержка, оказанная свободному рынку со стороны Тэтчер и Рейгана в период быстрой глобализации, обернулась побочными эффектами, особенно заметными в тех городских коммунах, которые понесли ущерб от спада производства, особенно в Англии в 1980-х годах. Экономическая политика Тэтчер часто оказывалась враждебна по отношению к тем затрагиваемым ею группам, которые традиционно поддерживали противников консерваторов из Лейбористской партии. В США Рейган сумел создать новую республиканскую коалицию, представлявшую собой взрывоопасную на вид комбинацию сочувствовавших Рейгану рабочих-демократов и крупных корпораций. Изучение идей, политических курсов и политической борьбы в единой трансатлантической перспективе проливает свет на эту запутанную неприглядную реальность, позволяя лучше представить историю неолиберальной политики. Совокупность этих трех элементов создает новую призму для оценки адекватности неолиберализма в разных его ипостасях и практических проявлениях в Англии и США.

В 1979 г. Маргарет Тэтчер стала премьер-министром, а в 1980 г. Рональд Рейган стал президентом. Несмотря на разные культурные интонации и национальные контексты – наследие рабства и сегрегации в США, иммиграции и империи в Британии, федеративная система в противоположность централизованному управлению, – и Тэтчер, и Рейган заняли свои посты с по существу одинаковым манифестом. Он был основан на идеологии свободного рынка и критике социальной демократии и „либерализма“ Нового курса, которые господствовали в политической культуре обеих стран со времен войны. По известным словам Стюарта Холла, Тэтчер и Рейган предложили электорально мощную программу «авторитарного популизма», которая нанесла сокрушительный удар оцепеневшим противникам из Лейбористской и Демократической партий²³. Неолиберализм был как раз тем внятным, хотя и несколько широким набором идей, который лучше всего подходил, чтобы приобрести политический капитал на возможностях, созданных социальными и экономическими бурями 1970-х годов. Глубинные социальные и экономические тенденции обернулись кризисами дезорганизацией и упадком городской инфраструктуры. Но затем электоральные успехи Тэтчер и Рейгана в 1980-х годах вызвали всеобъемлющий политический и теоретический сдвиг в сторону неолиберальной рыночной идеологии. Последовал отказ от веры в эффективность и моральную силу государства в пользу опрометчивой веры в возможности индивида и свободного рынка как поставщика свободы.

Через 30 лет после этого прорывного движения в 1970-х годах стало ясно, что вера в рынки превзошла энтузиазм даже некоторых ведущих неолиберальных апологетов послевоенных десятилетий. Во время неистового финансового кризиса 2007–2008 гг. неолиберальные идеи, вдохновлявшиеся простодушной верой в могущество и добродетели рынков, подверглись порицанию за алчность, проявленную на Уолл-стрит и в лондонском Сити. Проповедовавшаяся такими людьми, как бывший глава Федерального резерва Алан Гринспен, и широко распространенная уверенность в безусловном превосходстве рынка и его способности к самонастройке привела к дерегулированию финансового сектора и в конечном счете поставила всю международную экономическую систему на грань полного краха. Хотя в начале 2009 г. и последовало кратковременное обращение к неокейнсианским рецептам ради исцеления от кредитного сжатия, творцы английской и американской политики в целом склонялись к тому, чтобы возвратиться к положению, существовавшему перед 2007 г., и не проводить никаких карди-

нальных реформ. Это намерение отчетливо проявилось в отказе английского и американского правительств серьезно заняться финансовым сектором после разительного провала нерегулируемого рынка. Вместо этого разгрести завалы поручили тем самым экономическим технократам, которые и были главными проводниками политики, послужившей первопричиной кризиса. Например, такие бывшие члены экономической команды Клинтона, как Ларри Саммерс и Тимоти Гайтнер, стали при президенте Обаме после его избрания в 2008 г. соответственно директором Национального экономического совета и министром финансов²⁴.

Как отмечает в своей ретроспективной оценке жизни и достижений Милтона Фридмена другой нобелевский лауреат по экономике, Пол Кругман, «абсолютизация *laissez faire* [неолибералами вроде Фридмена] сформировала такой интеллектуальный климат, при котором вера в рынки и пренебрежительное отношение к государству часто попирают фактическую очевидность»²⁵. Эта фактическая очевидность, как мы увидим, имеет очень сложный и неоднозначный характер в тех двух областях, которые детально разбираются в моей книге, – в области макроэкономической стратегии и в области доступного жилья и городской политики. По верному замечанию экономического социолога Джеми Пека, идеал чистого свободного рынка никогда не был достижим, поскольку сам по себе столь же утопичен, как марксистская иллюзия бесклассового общества²⁶. Политические, теоретические и культурные перемены, вызванные неолиберальной политикой после 1970-х годов, привели к серьезным социальным и экономическим последствиям и не в последнюю очередь к тому, что сменявшие друг друга правительства так и не удосужились обратить внимание на то, как их политика ломала жизненный уклад городских сообществ. Столь радикальный сдвиг политической культуры и фокуса общественного внимания от социальной демократии к рыночному обществу не был чем-то заранее запланированным или предусмотренным. Решающую роль сыграли удача, умение пользоваться возможностями и ряд случайных обстоятельств. В любом случае это не было неизбежным.

Глава 1

Послевоенное устройство

В наше время эти экономические истины стали само – очевидными. Мы, можно сказать, приняли еще один «Билль о правах», на основе которого можно построить безопасность и благосостояние для всех, независимо от социального положения, расы и вероисповедания. Вот основные из этих прав:

право на полезную и оплачиваемую работу в промышленности, торговле или сельском хозяйстве страны;

право на доход, достаточный для покрытия потребностей в пище, одежде и отдыхе;

право фермеров реализовывать свою продукцию по ценам, обеспечивающим их семьям достойную жизнь;

право каждого предпринимателя – крупного или мелкого – вести бизнес в условиях, исключающих несправедливую конкуренцию или засилье монополий внутри страны или за границей;

право каждой семьи на достойное жилище;

право на полноценное медицинское обслуживание, на реальную возможность приобрести и сохранить хорошее здоровье;

право на достаточное экономическое обеспечение в старости и в болезни, страхование от несчастных случаев и безработицы;

право на хорошее образование.

Все эти права можно объединить одним словом: безопасность. После победы в войне мы должны быть готовы двигаться вперед в осуществлении этих прав, к новым рубежам человеческого счастья и благосостояния.

Франклин Рузвельт,

послание «О положении страны», 11 января 1944 г.

В январе 1944 г. президент Рузвельт сообщил Конгрессу, как в основных чертах он видит послевоенное общество, основанное на социальных и экономических правах граждан. В то же самое время в Лондоне готовилась к выходу классическая полемическая работа Хайека «Дорога к рабству». Там, где Рузвельт видел возможность ввести и расширить „либеральные“ достижения Нового курса, который только укрепился в ходе военных усилий, Хайек и его единомышленники видели угрозу экспансии социализма, коллективизма и тоталитаризма. Когда ярость войны утихла, стал заметен конфликт двух диаметрально противоположных мировоззрений: американского „либерализма“ Нового курса и английской социальной демократии, с одной стороны, и резко критической позиции по отношению к ним, которая легла в основу трансатлантического неолиберализма, – с другой. Однако было несомненно, что „либерализм“ Нового курса господствовал в США, а английский премьер-министр Клемент Эттли начал создавать послевоенное устройство, символическим выражением которого стала основанная в 1948 г. Национальная служба здравоохранения, детище министра здравоохранения Эньюрина (Ная) Бивена.

По мнению многих прогрессистов левого толка, программа Рузвельта на послевоенный период разворачивалась слишком медленно, и это было одним из самых прискорбных упущений в новейшей истории США. Но несмотря на то, что демократы не смогли выполнить все обещания Рузвельта (особенно в части всеобщего медицинского обеспечения; правда, это частично исправил президент Барак Обама в 2010 г.), Справедливый курс Гарри Трумэна, Солдатский Билль о правах, расширение социального страхования в 1949–1950 гг. задали тон

подъему американского „либерализма“¹. В то же время в Англии так называемый «доклад Бевериджа» 1942 г. («О социальном страховании и сопутствующих услугах») выразил стремление к тому, чтобы послевоенное устройство основывалось на политике социального государства, которую проводили новолиберальные правительства Асквита и Ллойд Джорджа в начале XX в. И действительно, в мае 1945 г. неблагодарные избиратели отстранили от власти Уинстона Черчилля и Консервативную партию, заменив их лейбористами Эттли. Будучи одним из великих реформаторских правительств, лейбористы воплотили предложения Бевериджа о социальном обеспечении с рождения до смерти и – опять же по инициативе Ная Бивена на посту министра здравоохранения – развернули широкую государственную программу по восстановлению разрушенного бомбами жилого фонда.

Таким образом, в середине века две страны с очень разными системами и очень разными обстоятельствами ощутили влияние схожих социальных и либерально-демократических импульсов. Память о Великой депрессии 1930-х годов сделала устранение безработицы, бедности и нужды главным пожеланием избирателей. Они требовали от лидеров, чтобы общество «никогда больше» не испытало такого унижения и такого ухудшения жизни из-за краха на рынке². Либералы-реформисты и умеренные консерваторы в Англии, либеральные республиканцы и консервативные демократы Юга (во всяком случае, белые) в США были преданы этим целям не меньше, чем сторонники Лейбористской и Демократической партий³. В 1945 г. и в США, и в Англии в политической культуре, в общественном диалоге и на выборах доминировали мыслители и партии центристского и левого толка. 55 лет спустя, на заре нового тысячелетия, царило совершенно другое умонастроение, которое предприниматель и филантроп Джордж Сорос назвал «рыночным фундаментализмом»⁴. В числе творцов этой перемены было движение, впервые заявившее о себе в последние годы Второй мировой войны. Трансатлантический либерализм и течение, распространявшее его программу, возникли как критика того, что Хайек и другие называли «коллективистским» характером политики президента Рузвельта и премьер-министра Эттли. Эта критика была вызвана чувством сильного страха перед тоталитаризмом, угрозой которого Хайек и его единомышленники видели в безоглядном расширении функций государства и административного аппарата в первой половине XX в. Но для возникновения условий, при которых эти новые идеи смогли войти в политические программы республиканцев и консерваторов и, соответственно, повлиять на государственную политику, должны были произойти глубокие структурные сдвиги в экономике, сопряженные не только с определенной политикой, но и с целым рядом внешних событий и обстоятельств. А это случилось только в конце 1960-х годов и особенно в 1970-е годы.

Однако в данной главе необходимо вначале обрисовать картину политической ситуации в Англии и США в середине XX в. В какой мере можно говорить о консенсусе между политическими элитами и обществом в обеих странах? В чем состояла политическая и интеллектуальная парадигма, по поводу которой неолибералы делали столь мрачные прогнозы? Политический и общественный облик Англии и США в корне изменился под воздействием двух мировых войн, прогрессизма, фабианского социализма, Великой депрессии и Нового курса.

В первой половине XX в. в Англии и США происходили серьезные экономические и политические перемены. В обеих странах роль государства росла в геометрической прогрессии. Например, в 1900 г. все расходы центрального правительства в США составили 521 млн долл.; в Англии они составили 193 млн ф. ст. В 1949 г. соответствующие расходы составили 39 млрд долл. в США и почти 3,5 млрд ф. ст. в Англии. В 1990 г. федеральное правительство США потратило 1,3 трлн долл., а правительство Англии 158 млрд ф. ст.⁵ Согласно принятой в 1913 г. 16-й поправке к Конституции в США был введен федеральный подоходный налог. Это быстро повысило налоговые доходы федерального бюджета. Если в 1900 г. государственные доходы составлял 567 млн долл., то в 1949 г. они достигли 41,5 млрд, из которых

26,7 млрд приходились на подоходный налог, а 3,8 млрд на отчисления в Фонд социального страхования⁶. В Англии в 1900 г. государственные доходы составляли 140 млн ф. ст., из которых 29 млн приходились на подоходный налог и налоги на имущество. В 1949 г. государство получило 4,1 млрд ф. ст., в том числе 1,85 млрд от подоходного налога и налогов на имущество⁷. Эти цифры наглядно показывают, насколько присутствие государства, его масштабы и влияние росли по мере того, как ведущие политики под давлением все более неблагополучного населения создавали всеобъемлющее социальное государство в ответ на экономический крах в 1930-х годах и в ответ на мировую войну в 1940-х.

Однако в конце войны, в 1945 г., экономическое положение двух стран было диаметрально противоположным. США вышли из войны небывало могущественными и богатыми, а Англию война отбросила назад, взяв с нее зримую дань в виде погибшего под бомбами гражданского населения и разрушенных городов. Финансовые затраты на разгром нацистов заставили Англию поступиться некоторыми имперскими владениями. Ситуация усугублялась еще и тем обстоятельством, что причиненное войной разорение наложилось на долговременные последствия экономического кризиса 1930-х годов. Чтобы справиться со всеми этими бедами, нужен был новый экономический подход, и он тут же появился в виде идей экономиста Джона Мейнарда Кейнса, бывшего членом Либеральной партии. Теория Кейнса предусматривала использование макроэкономического управления налогово-бюджетной и денежно-кредитной политикой как ответ на Великую депрессию. С тех пор кейнсианские рецепты были приняты политиками Англии и США и стали главным течением профессиональной экономической науки. Макроэкономика занимается такими общеэкономическими феноменами, как уровень занятости, процентные ставки, фискальная и денежная политика в отличие от узкоспециализированной микроэкономической политики. Опубликованная в 1936 г. книга Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» и его ведущая роль в послевоенных переговорах, завершившихся созданием Бреттон-Вудской международной денежной системы, установили правила, которыми руководствовались западные государства при стабилизации экономики в послевоенный период. После бедствий, пережитых в 1930-х годах, первой и главной целью экономической политики считалась полная занятость. Желание избежать очередей за пособием по безработице в равной мере овладело как истеблишментом Англии и США, так и местным рабочим классом.

Кейнс утверждал, что государство может преодолеть экономическую цикличность с помощью налогово-бюджетной политики или крупномасштабных государственных инвестиций в условиях, когда спрос в экономике ослабевает, или во время рецессии. Закачивание денег в экономику, государственное вмешательство путем дефицитных госрасходов или стимулирование потребления за счет снижения налогов – все это, как считали государственные деятели, и есть те самые инструменты, которые обеспечат высокую занятость и устойчивый экономический рост. Эти рецепты, казалось, предлагали и политикам, и обществу то, чего они больше всего желали: перспективу полной занятости и роста благосостояния. Последователи Кейнса зашли в развитии его идей настолько далеко, что сам Кейнс, пожалуй, не смог бы себе этого представить.

По мнению биографа Кейнса Роберта Скидельски, «Кейнс считал, что правительства могут регулировать общую покупательную способность лишь грубо и приблизительно, но все равно это будет лучше, чем *laissez faire*. Однако следующее поколение продвинуло этот проект гораздо дальше. Оно думало, что проблема недостатка информации, стоящая перед центральным руководством, – это проблема временная и ситуативная и что когда статистические методы улучшатся, можно будет контролировать все. Эта идея достигла апогея в концепции „тонкой настройки“ в 1960-е годы»⁸.

Неокейнсианские рецепты вкупе с программой государства благосостояния (хотя эта последняя, конечно, не достигла в США такого размаха, как в Англии) составляли основу американской и английской экономической политики в 1950- 1960-е годы. Это была эпоха «батскеллизма»; так ее окрестил сотрудник «Economist» Норман Макрей, составивший это слово из имен видного английского консерватора Рэба Батлета и преемника Эттли во главе лейбористов Хью Гейтскелла⁹.

В США Новый курс в 1930-е годы ознаменовал революцию во всей системе управления. Администрация Рузвельта, избранного в 1932 г., принялась за реформирование банковского сектора, поддержку фермеров и создание крупномасштабных государственных программ трудоустройства. Этими программами с целью преодоления депрессии занимались Управление общественных работ (PWA), Управление гражданских работ (CWA) и еще одно Управление общественных работ (WPA). Принятый в 1935 г. Закон о социальном страховании положил начало государству благосостояния, пусть и ограниченному в целом ряде важных отношений. Права профсоюзов были закреплены созданием Управления национального восстановления (NRA) и особенно принятым в том же 1935 г. Национальным законом о трудовых отношениях, известным как закон Вагнера. Принятый в 1933 г. закон Гласса – Стигелла создал систему биржевого и финансового регулирования (впоследствии отмененную): он запрещал коммерческим банкам заниматься операциями с ценными бумагами и учреждал две организации – Комиссию по ценным бумагам и биржам и Федеральную корпорацию по страхованию депозитов. Федеральное управление по жилищным вопросам и Управление жилищного строительства США представляли собой первичную структуру поддержки покупателей жилья и бездомных. Ипотечные кредиты должны были выдаваться под льготный процент, и в США впервые появилось государственное жилищное строительство.

Мероприятия Нового курса, взятые в целом, закрепили роль федерального правительства в американской жизни и утвердили политику государственного вмешательства в экономику. Но достижения Нового курса были ограничены в целом ряде важных отношений¹⁰. Прежде всего, американское государство благосостояния, в отличие от английского, не распространялось на всех. По настоянию южных демократов в Конгрессе чернокожие, временные и сельскохозяйственные рабочие, а также женщины первоначально были исключены из системы социального страхования и страхования по безработице, а создание системы социальных пособий оставлялось на усмотрение штатов¹¹. В результате, например, чернокожие на Юге получали незначительные социальные пособия или не получали никаких. Программа всеобщего медицинского обеспечения, предусмотренная планами Комитета по экономической безопасности при Рузвельте, не получила развития, не говоря уже о ее внедрении, до тех пор пока администрация Обамы не придавала этой задаче приоритетный характер. Между тем многочисленная и шумная оппозиция никогда не смирялась с программой, которую считала противоречащей всем американским традициям индивидуальной инициативы и свободы. Из рядов этой оппозиции впоследствии вышли некоторые известные спонсоры неолибералов после Второй мировой войны, в том числе такие деятели, как Уильям Волкер и Лоренс Фертиг. Деньги противников Нового курса сыграли важнейшую роль в продвижении рыночной идеологии в послевоенных США.

«Английский Новый курс» (как это назвал Питер Хеннесси) представлял собой сочетание реформ либеральных правительств Герберта Асквита и Дэвида Ллойд Джорджа 1906–1922 гг. и реформ лейбористского правительства Эттли 1945–1951 гг.¹² Эта политика была подтверждена и продолжена в 1951–1964 гг. во время длительного правления консерваторов, которые не пытались изменить ее ключевые компоненты и тем более пойти принципиально иным курсом. Послевоенный консенсус, как это называлось в Англии, был сочетанием всеобщего социального обеспечения с национализацией «командных высот» экономики и предпри-

ятий коммунального хозяйства; к 1951 г. лейбористы поставили под контроль государства Банк Англии, железные дороги, автомобильные грузоперевозки, гражданскую авиацию, угольную, сталелитейную, электроэнергетическую и газовую отрасли.

Английское государство благосостояния создавалось поэтапно. Либеральные правительства Генри Кемпбелла-Беннермена и Герберта Асквита в 1906–1916 гг. ввели пенсии для нуждающихся престарелых, страхование по безработице для нуждающихся, биржи труда для безработных и пособия по болезни для работающих¹³. Система, однако, была фрагментарной, и многие граждане остались за ее рамками. Если в США Новый курс ознаменовал появление новой формы либерализма, то в Англии эти ранние реформы стали водоразделом между викторианским либерализмом XIX в., воплощенном в политике правительств Гладстона, и новым прогрессивным либерализмом, сопряженным с активной ролью государства. Либерализм Гладстона основывался на принципах *laissez faire* и свободы торговли. Новые же либералы видели главные помехи для свободы в бедности, болезнях и неустроенности.

Послевоенное лейбористское правительство, ориентировавшееся в том числе на фабианских социалистов и Уильяма Бевериджа, дополнило эти первые реформы всеобщим пенсионным обеспечением, обязательным страхованием по безработице и Национальной службой здравоохранения Ная Бивена¹⁴. Беверидж (как и Кейнс, член Либеральной партии) был главным архитектором реформ либералов и лейбористов, но при этом фигурой противоречивой. По словам его биографа Джоуза Харриса, «ни в коей мере не будучи последовательным «либеральным коллективистом», он колебался между почти абсолютной преданностью свободному рынку и столь же сильной тягой к полуавторитарному административному государству»¹⁵. В его личности нашла воплощение внутренняя противоречивость либерализма XX в., разрывавшегося между своим классическим наследием *laissez faire* и совершенно новым видом интервенционизма. Тем не менее идеи Бевериджа и Кейнса привели к возникновению тех явлений, которые вызывали у неолибералов опасение и неприятие.

И в основе „либерализма“ Нового курса, и в основе английских либеральных и лейбористских реформ лежало подспудное убеждение, что благополучие государства обеспечено, пока власть находится в руках просвещенной и квалифицированной политической элиты. Знаменитый «мозговой трест» при Рузвельте и прогрессивно-либеральные кадры, персонифицированные Бевериджем и Кейнсом, как нельзя лучше соответствовали концепции спускаемых сверху реформ на благо всего общества. Прогрессивно-либеральный проект не был революционным. Он родился из стремления сохранить и защитить либеральную демократию и капиталистическую систему. При этом, однако, он был основан и на убеждении, что возможен «средний путь» (как называл это Кейнс). Когда экономический хаос 1930-х годов был вытеснен войной, либералы увидели луч света. И в Англии, и в США крепло убеждение, что полная военная мобилизация экономики и общества показывает, как можно решать социальные задачи в мирное время. Неолибералы, разумеется, резко протестовали против такого вывода.

По обе стороны Атлантики политические элиты – государственные служащие, политики, высшие должностные лица и ученые – имели общий набор представлений о многих ключевых элементах экономической и социальной политики. Они считали несомненным, что государство благосостояния необходимо, и государство должно активно вмешиваться в экономику. Однако это только часть картины. Особенно в США эта картина была слишком сложной, чтобы ее можно было описать просто как консенсус. Начавшаяся в конце 1940-х годов холодная война вызвала непрестанную идеологическую борьбу не только между коммунистами и капиталистами, но и между американскими консерваторами и „либералами“¹⁶. Кроме того, в крупных городах существовали глубокие противоречия между черными и белыми, которые нередко приводили к серьезным столкновениям¹⁷. Эта борьба велась и скрытно, и открыто агрессивно, о чем свидетельствуют столкновения по поводу десегрегации и постоянное смещение границ

между собственно городом и пригородами¹⁸. На Юге был силен расизм, и в послевоенный период политики Юга стали одной из самых влиятельных политических сил США, поскольку перенесли свою поддержку с Демократической партии на Республиканскую. Это произошло после принятия Закона о гражданских правах (1964) и Закона об избирательных правах (1965) при Линдоне Джонсоне¹⁹. В 1930-1940-е годы консервативные южные демократы в силу нетерпимости к чернокожим стали причиной многих заметных законодательных изъянов Нового курса. Растущий и непреодолимый раскол в рядах Демократической партии был предreshен, когда в 1948 г. «диксикрат»¹¹ Стром Термонд выдвинул свою кандидатуру на пост президента и повел против президента Трумэна пять штатов глубокого Юга¹².

В Англии общество претерпело социально-экономические перемены, которые становились все заметнее на рубеже 1950-1960-х годов. Конец империи впервые повлек за собой массовую иммиграцию из бывших колоний в метрополию²⁰. Многочисленные выходцы из Вест-Индии и Южной Азии начали прибывать в Англию как раз в то время, когда английская экономика была истощена войной. Конец 1940-х годов Дэвид Кейнестон назвал периодом «аскетизма» и жертвенности²¹. Английским государственным деятелям и рядовым гражданам пришлось смириться с тем, что Англия утратила роль мировой державы. Это обстоятельство катастрофически проявилось во время Суэцкого кризиса в 1957 г. Без помощи американцев премьер-министр Энтони Иден ничего не смог бы поделать с генералом Гамаль-Абделем Насером. Это показало, что Англия больше не является самостоятельным игроком на международной арене, – горькая пилюля для политического истеблишмента.

Таково было положение США и Англии в середине XX в. Это был мир, который давал многим прогрессистам надежду на то, что поскольку наступил мир, можно преодолеть самые трудные социально-политические проблемы. Но нашлись критики, считавшие, что столь оптимистический взгляд на вещи утопичен и питается опрометчивой верой в благотворность вмешательства государства. Так, сложилась группа мыслителей, считавших своим долгом развенчать этот оптимизм. И сейчас мы перейдем к изложению позиции этих людей – Карла Поппера, Людвиг фон Мизеса и Фридриха Хайека. Именно они стали провозвестниками той системы идей, которая во второй половине XX в. преобразовала интеллектуальный ландшафт и радикально изменила практическую государственную политику как в Англии, так и в США.

¹¹ свобод и выдвинули своего кандидата – губернатора Южной Каролины Дж. С. Термонда. – *Прим. науч. ред.*

¹² Понятие «глубокий Юг» охватывает шесть штатов: Алабама, Арканзас, Джорджия, Миссисипи, Флорида, Южная Каролина. – *Прим. науч. ред.*

Глава 2

1940-е годы: возникновение неолиберальной критики

Но всякий, кто станет изучать историю общественной мысли, вряд ли пройдет мимо отнюдь не поверхностного сходства между развитием идей, происходившим в Германии во время и после Первой мировой войны, и нынешними веяниями, распространившимися в демократических странах. Здесь созревает сегодня такая же решимость сохранить организационные структуры, созданные в стране для целей обороны, чтобы использовать их впоследствии для мирного созидания.

Фридрих Хайек

«Дорога к рабству» (1944)¹³

Когда Вторая мировая война близилась к концу и на горизонте уже был виден нелегко доставшийся мир, Фридрих Хайек начал разрабатывать интеллектуальную и организационную стратегию, призванную защитить и сохранить «свободное общество». Свою стратегию он изложил в статье «Интеллектуалы и социализм». Хайек указывал на влияние американских прогрессистов и английских фабианских социалистов в начале XX в. и считал, что защитникам свободы следовало бы создать похожую организационную и интеллектуальную стратегию. Во время войны Хайек работал в Лондонской школе экономики (ее в 1895 г. основали фабианские социалисты Беатрис и Сидней Веббы); из-за бомбежек школа переехала в Кембридж. Он по-прежнему общался со своим давним другом и идейным оппонентом Джоном Мейнардом Кейнсом и стремился дополнить идейную силу своей блистательной полемической книги «Дорога к рабству» путем создания сообщества ученых, которые могли бы защищать основные принципы того, что Хайек вкладывал в понятие свободы индивидуума.

Благодаря усилиям Хайека под его руководством сложился своего рода неолиберальный интернационал – группа интеллектуалов-единомышленников из Парижа, Австрии, Швейцарии, Германии, Манчестера, Лондонской школы и Чикаго. (Термин «неолиберализм» был выбран участниками коллоквиума Уолтера Липпмана в 1938 г. для обозначения их общей позиции.) Группа назвала себя Обществом Мон-Пелерен по месту первого собрания, которое проходило в Веве, Швейцария¹⁴, с 1 по 10 апреля 1947 г. Но на какой теоретической платформе строилось это общество, созданное в Швейцарских Альпах? Что объединяло его участников? Что позволило неолиберализму выйти за рамки Общества Мон-Пелерен и превратиться в политический мейнстрим – сначала в Англии и США, а потом и во всем мире? В чем особенность неолиберального понимания свободы? Ответы на эти вопросы дает всесторонняя критика политической, экономической и социальной жизни, предпринятая в работах многих ученых в 1930-1940-х годах. Центральные ее положения были подытожены в трех первоначально важных книгах: «Открытое общество и его враги» (1945) Карла Поппера, «Бюрократия» (1944) Людвиг фон Мизеса и «Дорога к рабству» (1944) Фридриха Хайека.

Попытки наметить ориентиры предпринимались и до создания Общества Мон-Пелерен. Самая известная – парижский Коллоквиум Уолтера Липпмана, который в 1938 г. организовал французский философ Луи Ружье. Он хотел обсудить перспективы свободного общества, взяв за отправной пункт книгу Липпмана «Хорошее общество» (1937). Участники коллоквиума

¹³ Хайек Ф. фон. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. С. 32. – Прим. перев.

¹⁴ Город Веве расположен на берегу Женевского озера, между Лозанной и Монтрё у подножия горы Мон-Пелерен («Гора пилигрима»). – Прим. науч. ред.

намеревались реконструировать теорию либерализма, поскольку понимали, что классический либерализм подвергается нападкам и дискредитирован. Именно на этом коллоквиуме Александр Рюстов предложил термин «неолиберализм», который и был принят для обозначения движения за возрождение рыночного либерализма. Этот термин никогда не считался безупречным, и в противовес ему предлагались другие: «индивидуализм», «позитивный либерализм» и даже «левый либерализм». Но, как считает Франсуа Денор, он был выбран по стратегическим соображениям: «Быть “неолибералом” значило признавать, что экономическая теория *laissez faire* недостаточна и от имени либерализма должна проводиться современная экономическая политика»¹. Среди участников коллоквиума были многие из тех, кто впоследствии вошел в Общество Мон-Пелерен, – Хайек, Людвиг фон Мизес, Вильгельм Рёпке, Александр Рюстов, Майкл Полани, Раймон Арон, Бертран де Жувенель и Жак Рюэфф. Но их совместная деятельность была вскоре прервана войной.

А вот Обществу Мон-Пелерен удалось заложить прочные основы трансатлантического неолиберального движения. Детище Хайека во многих отношениях знаменовало собой переходный пункт от одной фазы истории неолиберализма к другой. Абрис первой, начальной фазы неолиберализма как интеллектуального течения, стремившегося переосмыслить либерализм, в межвоенные годы на некоторое время проявился в работах ученых из Австрии, Лондона, Германии и Чикаго. Они хотели выйти за рамки *laissez faire* и бороться с тоталитаризмом правого и левого толка. Неолиберализм следующей, второй, фазы, начавшейся с создания Общества Мон-Пелерен, – это уже зрелое и организованное интеллектуальное, а впоследствии и политическое течение. Общество помогло создать трансатлантическую неолиберальную систему связей, которая, как предполагали его члены, сможет противостоять политическому истеблишменту Нового курса и социальной демократии в США и Англии. Также оно стало центром притяжения для интеллектуалов-единомышленников всего мира, готовых бороться с силами коллективизма. (Хайек относил к коллективизму широкий спектр течений – от нацизма и советского коммунизма до „либерализма“ Нового курса и социальной демократии Эттли; в «Дороге к рабству» он охарактеризовал коллективизм как угрозу индивидуальной свободе.) Хайек возглавил это движение благодаря энергичной и ясной формулировке задач в его книге, а также благодаря своей энергии организатора и умению находить финансирование.

Объединившихся вокруг Хайека в 1947 г. ученых (а также одного необычного бизнесмена, одного журналиста и сотрудника аналитического центра) связало воедино глубокая убежденность в том, что существующее состояние мира несет угрозу свободе. Особенно их беспокоили тенденции, укрепившиеся, по их мнению, в последние 50 лет в Англии и США, – в тех странах, которые Хайек и Мизес считали оплотом свободы. Заявление о целях общества, которое составил экономист Лондонской школы Лайонел Роббинс (тоже, как и Хайек, идейный оппонент Кейнса), было выдержано в апокалиптических тонах: «Основные ценности цивилизации в опасности. На обширных пространствах земной поверхности принципиальные условия сохранения достоинства и свободы человека уже исчезли. В других местах им постоянно грозят последствия нынешних политических тенденций. Положение отдельного человека и всякого добровольного объединения все больше подрывается произвольными действиями усиливающейся власти»².

Свобода, как ее понимали члены общества, равнозначна поощрению, сохранению и защите рыночного капитализма. Эту отличительную особенность западных демократий необходимо отстаивать, если идейное течение повернется вспять.

Три книги австрийских эмигрантов – Карла Поппера, Фридриха Хайека и Людвиг фон Мизеса – были задуманы как реакция на политическую и экономическую обстановку 1940-х годов, которая решительно не соответствовала взглядам этих авторов. Их идеям было суждено оказать глубокое влияние на интеллектуальную эволюцию неолиберализма в Англии и США в послевоенный период. Каждый из них предложил неолиберальную альтернативу дис-

кредитированной экономической теории *laissez faire* XIX в., с одной стороны, и „либерализму“ Нового курса и английской социальной демократии – с другой. «Дорога к рабству» Хайека и «Бюрократия» Мизеса прямо обращались к событиям и катастрофам, которые потрясли Европу в 1930-1940-е годы. Книга Поппера «Открытое общество и его враги» была не столь злободневна, поскольку обращалась к истории политической мысли. Но в совокупности эти три книги представляли собой критику современной политики, и именно их критическая составляющая стала основой того, что мы сегодня могли бы назвать неолиберализмом. Они сформулировали вполне определенный взгляд на историческое развитие, на историю идей и политическую практику; совокупность этих идей систематически подрывала все опоры Нового курса в США и социально-демократического государства в Англии.

Однако мысли Хайека, Мизеса и Поппера еще не могли служить положительной альтернативной политической программой. Продуманный политический вызов кейнсианству, регулированию капитализма и социальному государству был брошен позже, когда благодаря усилиям других людей, усилиям членов трансатлантического сообщества ученых, аналитических центров, журналистов и политиков при финансовой поддержке сочувствующих бизнесменов сформировался менее компромиссный и более четкий набор неолиберальных идей. Но столь решительная и энергичная рыночная программа, какой она стала потом, – особенно в Чикаго и Виргинии в 1950-х, 1960-х и 1970-х годах – не могла бы появиться без мощного теоретического основания, заложенного анализом трудного положения Запада в работах Хайека, Поппера и Мизеса. Поэтому «Дорогу к рабству», «Открытое общество» и «Бюрократию» можно рассматривать как истоки собственно неолиберального мировоззрения.

В тот момент, в середине 1940-х годов идеи этих книг мгновенно привлекли внимание прежде всего потому, что были созвучны страхам и тревогам мира, измученного призраком гитлеровского национал-социализма и угнетенного возведением «железного занавеса» в Европе в начале холодной войны. Но их воздействие на политическое сознание, особенно в США, нельзя объяснить одной только резкой критикой европейских форм тоталитаризма. Хайек и Мизес, в частности, апеллировали к глубоко укорененным в американском обществе стереотипам сугубого индивидуализма, опасения и недоверия по отношению к власти государства. «Открытое общество» Карла Поппера пользовалось вниманием по другим причинам. Его концепция «частичных социальных преобразований» отражает готовность ранних неолиберальных мыслителей в 1940-х годах пойти на компромисс с явно враждебным окружением, в котором они себя видели. Поппер наметил базовый уровень государственного вмешательства, особенно в сфере образования, которое могло бы способствовать развитию человечества путем инноваций, проб и ошибок. Он считал, что если не в отношении средств, то в отношении мотивов он солидарен с большинством социалистов, и причислял либералов, прогрессистов и социалистов к одному «гуманитарному лагерю».

О таких соглашениях с коллективизмом никогда не помышлял Мизес, отрицавший Новый курс безоговорочно. Не одобрял их и Хайек. Но несомненно, что позиция Поппера представляла собой крайний пример готовности пойти на определенные компромиссы с нарождающимся социальным государством ради главной цели – рыночного общества (правда, такой примирительный подход почти совершенно не характерен для более поздних версий неолиберальной мысли)³. Таким образом, три главные работы, опубликованные одна за другой на протяжении года в конце войны, представляли собой расцвет раннего неолиберализма, перекрестно опыленного в межвоенный период в Австрии, Германии, Франции, Англии и США. Однако хотя этот ранний неолиберализм внешне вполне узнаваем, он существенно отличался от того, что стало считаться неолиберализмом в конце столетия. Для ранних неолибералов характерно стремление преодолеть недостатки как теории *laissez faire*, так и Нового курса. Позднейшие неолибералы были склонны абсолютизировать нерегулируемый рынок в

духе чикагской школы и гораздо резче выражали свое неприятие социального государства и государственного вмешательства в экономику.

Вклад Хайека, Мизеса и Поппера основывался на научных дискуссиях в Европе и США в 1930-1940-е годы (Хайек и Мизес участвовали в них лично), главным предметом которых было сопоставление достоинств централизованного планирования и свободного рынка как организационных принципов экономической деятельности в обществе⁴. Своими выводами они подрывали концептуальные основы того, что впоследствии будет считаться послевоенным устройством, – веру прогрессистов и социал-демократов в коллективные решения социальных проблем, их оценки истории и политической мысли, превознесение организационной структуры, бюрократии, которая взялась решать такие проблемы, как бедность и нужда.

Поппер предпринял анализ истории политических идей, который показал, каким образом «коллективистская» мысль Платона, Гегеля и Маркса укоренилась в западной философии. В результате были утрачены подлинные основания западной цивилизации – индивидуальная свобода и индивидуальный разум. Мизес разоблачил бюрократический менталитет, который, по его мнению, разрушал источники человеческой инициативы, заключенные в индивидуализме и стремлении к прибыли. Хайек предложил исследование политической и экономической жизни, которое развивало темы, затронутые в работах Мизеса и Поппера, и показывало, на какой скользкий путь, по мнению Хайека, вступило западное общество, допустившее посягательства и вмешательства государственной бюрократической машины. Индивидуальная свобода, считал Хайек, поставлена под угрозу.

Можно упомянуть еще ряд произведений того времени, которые тоже оказали влияние на формирование неолиберализма. «Хорошее общество» (1937) Уолтера Липпмана стало вдохновителем коллоквиума Уолтера Липпмана. Либертарианские романы Айн Рэнд «Источник» (1943) и «Атлант расправил плечи» (1957) оказали влияние в числе прочих и на будущего главу Федерального резерва Алана Гринспена. «Человеческая деятельность» (1949), *magnus opus*¹⁵ самого Мизеса, статьи чикагского экономиста Генри Саймонса (о них речь пойдет в следующей главе) и «Экономика за один урок» (1946) Генри Хэзлита – всего лишь некоторые из возможных примеров. Но именно книги трех австрийских эмигрантов сыграли главную роль в организации согласованного нападения на прогрессистский „либерализм“ и социальную демократию.

Подобно многим другим интеллектуалам и ученым, Мизес и Поппер покинули Германию и Австрию в 1930-х годах потому, что нацисты пришли к власти и начали преследовать евреев. Мизес был евреем и в 1934 г. благоразумно уехал из Вены в Швейцарию. Поппер последовал его примеру в 1937 г.; сначала он уехал в Новую Зеландию, а потом с помощью Хайека переехал в Англию и в 1946 г. начал работать в Лондонской школе экономики. Сам Хайек пришел в Лондонскую школу в 1931 г. как приглашенный лектор; потом он получил постоянное место благодаря успеху своих лекций и содействию профессора Лайонела Роббинса, идейного противника Кейнса (впоследствии Роббинс стал членом Общества Мон-Пелерен). В умах всех трех австрийских авторов доминировали бедствия, захлестнувшие Европу между двумя мировыми войнами. В этом отношении они, конечно, принимали во внимание главным образом те европейские, и прежде всего немецкие, реалии, которые, как они полагали, привели человечество к ужасам национал-социалистического тоталитаризма и мировой войны.

Все три автора считали коммунизм вновь усилившейся и столь же опасной угрозой, как нацизм и фашизм, – в первую очередь из-за того влияния, которое он оказывал на демократических политиков Запада. По их убеждению, чудовищную войну породили те глубинные черты европейской культуры и идеологии, от которых США и Англия были более или менее свободны. Мизес и Хайек возлагали на эти страны особую надежду. Поэтому Новый курс в

¹⁵ Главный труд (лат.). – Прим. науч. ред.

их глазах выглядел явлением нежелательным. А Хайека, например, тревожило, что бежавшие из гитлеровской Германии евреи принесли с собой опасные тоталитарные взгляды, которые хотя и не имели отношения к нацистской расовой политике, но тем не менее могли причинить большой вред. Хайек полагал, что многие уехали именно из-за расовых гонений, а не по причине несогласия с немецким тоталитаризмом как таковым: «Мы не должны забывать, что люди, покинувшие Германию или ставшие ее врагами в результате проводимой там антисемитской политики, нередко являются при этом убежденными тоталитаристами немецкого типа»⁵

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.